

ЕКАТЕРИНА ГРАФФ

ОСЕННИЙ САД.

«Кто будет спорить, господа, с тем, то за всю нашу историю накоплено немало примеров помрачения человеческого разума, и все потому, что люди из кожи вон лезут, дабы действовать наперекор своему разуму. И разум, и любовь даны человеку богом, но, как часто случается, любовь доводит нас до безумия...»

- Я – слон, - медленно произнес старик.

Очнувшись от недолгого сна, он осмотрелся. Сидел он в своем кресле на просторной веранде. На квадратном столе, покрытом белой льняной скатертью, чернел тяжелый полевой бинокль, лежала раскрытая книга и неподвижные руки старика. Между больших ладоней с длинными деформированными пальцами, стояла чашка с холодным чаем и тарелка с печеньем. Старик и стол были неаккуратно окрашены золотистыми пятнами предзакатного солнца. Слабые порывы еще теплого октябрьского ветра шевелили его длинные седые космы. Непривязанная ветвь глицинии, свисавшая с верхнего этажа и раскачивавшаяся наподобие маятника от часов, разбудила его: через равные промежутки времени, с раздражающим постоянством, она задевала его правое плечо. Пока старик дремал, в тарелку с печеньем упало несколько сухих красных листьев. Он продолжал сидеть неподвижно, безучастно наблюдая жизнь вокруг себя. Все вокруг старика неслышно погружалось в осенний сон, медленный отход природы в небытие холодного и темного времени, человека – в такое же холодное и темное безвременье. Но ни осеннему времени, ни человеческой жизни еще не пришел конец.

Лицо старика выделялось на фоне тихого осеннего пейзажа своей резкой некрасивостью. Казалось, это было не лицо, а грубо вытесанный кусок массивного дерева, успевший потемнеть и состариться. Избороженный морщинами, широкий лоб круто уходил под гриву белых, давно не стриженных и не чесаных волос; римский нос с горбинкой, увесистый и мясистый, нависал над полными, резко очерченными губами. Подбородок раздваивала глубокая, доходившая до самой кости, впадина. Ветер, растрепав длинные волосы старика, нечаянно открыл его уши. Без всякого сомнения, именно уши были самой примечательной частью его внешности. Мочки ушей свисали чуть ли не до самых плечей и приходили в движение каждый раз, когда старик поворачивал голову. Глядя на них, в воображении тут же рисовались побитые временем, морщинистые и порванные, уши старых слонов. Лицо старика могло послужить прекрасной моделью для начинающего ваятеля. Если старик спал или был полностью неподвижен, его черты, настолько очевидно и грубо вылепленные самой природой, было нетрудно скопировать. Когда же он бодрствовал, черты его мгновенно оживали. Преображались, они соединялись в волевое, выразительное, незабываемое лицо благодаря той невероятной силе ума и духа, что лилась из больших карих глаз старика. Именно эта сила, лившаяся из глаз, невероятно затруднила бы работу скульптора – не передав острого ума и недюжинной воли старика, невозможно было достичь даже приблизительного сходства.

Старик пошевелился и положил руки на книгу. Сегодня он еще не выполнил своего домашнего задания. Как обычно, он постарается представить себя слоном, своим любимым Тукутелой. Именно поэтому, он захватил с собой «Время умирать» Уилбура Смита. Книга ему не нравилась, за исключением десяти страниц, где Смит писал о Тукутеле. Вся жизнь слона, с рождения до смерти, была втиснута в десять страниц. Старик умирал и эта небольшая, но незабываемая история должна была помочь ему избавиться от страха перед смертью.

Вот уже шесть месяцев, как он знал, что скоро умрет. Его единственной целью стало одно-единственное желание: научиться умирать, то есть перестать любить жизнь. Он почти не спал, его мучили боли, он был одинок, но он продолжал любить жизнь, ожидая в каждом завтрашнем дне ее продолжения. Когда он вздохнет в последний раз? Кто знает... В любой момент. Его дух, казалось, был сломлен в неравной борьбе с болезнью, с невыносимыми болями, с растерянностью ума, боявшегося смерти. Смерть пришла за ним слишком рано. Когда старик думал об этом, его большие, почти черные глаза, горели гневом. Такая скорая смерть! Все знают, что умрут, некоторые умирают, не успев родиться, на протяжении жизни люди наблюдают смерти других, себе подобных. Чужая смерть страшна для родных, она касается их лично, они ощущают потерю и горюют за теми, кого любили. Однако для большинства смерть всего лишь сплетня, всплеск любопытства, промелькнувшее объявление в газете – вот, поди ж ты, и этот умер. На экранах кино и телевизоров мы видим сотни смертей каждый день и ничего не ощущаем. Но на этот раз, старик увидел смерть не в кино и прочитал о ней не в романе, безучастно перелистав страницы, он столкнулся с нею наяву. Смерть касалась его лично, и от этого было никуда ни деться.

«Господи! Должен ли я верить тем, кто утверждает, что они не боятся смерти, что готовы умереть, только потому, что состарились? Говорят, что мудрость, смирение и вера облегчают приятие смерти. Болтовня все это! Нет, развитый ум противостоит смерти, отрицает ее, он борется за жизнь. Ровно как дерево с хорошо развитой корневой системой нелегко выкорчевать из земли, так и разум невозможно изъять из жизни прежде, чем... Чем что? Какое разочарование! Господень дар – моя жизнь, мой разум, мое тело, моя жажда жизни – все будет уничтожено врагом, проникшим в мое тело, неуправляемыми, неразумными клетками. Какая неудача, оплошность, трагедия! Сумасшествие! Я чувствую себя жертвой, обреченной и беззащитной и, поэтому, униженной. Говорят, все от Господа. Господь дал, Господь взял. Так ли это? А что же мы? Живем ли мы вообще? Или мы появляемся на свет всего лишь для того, чтобы пополнить ряды безмолвных и безвольных, округлив собою некую цифру, запрограммированный свыше процент рождаемости? Если же мы нечаянно разовьемся в личность и только-только испробуем вкус жизни, нас убивают. Как жаль! Как несправедливо! В таком виде наша жизнь бессмысленна. Но кто убийца? Смертельный недуг, скрытый в моем теле враг, невидимый и безжалостный убийца. Нет сомнений в том, что он меня не помилует, приговор уже вынесен. Я стою лицом к стене, приговоренный и беспомощный. Без шанса на борьбу а, следовательно, возможно и на победу. Почему никто не спросит меня, хочу ли я умирать? Согласен ли я с приговором? Почему жизнь, у которой

только один конец – неминуемая, неизбежная смерть, такая безжалостная? Жизнь, дарящая нам муки и радости, наслаждения и слезы, весны и зимы, дарящая нам любовь, в конце концов, обрывается. Кто решает за нас, когда нам достаточно? Кто облечен такой властью? Какой беспредел! Тот самый бог, что нас сотворил, будь ему не ладно, подумал ли он о том, что счастье и восторг по поводу того, что тебе дарована жизнь, не могут оборачиваться трагедией? Почему не дать человеку жить столько, сколько ему хочется, разрешив ему расстаться со своей жизнью, его собственностью, между прочим, тогда, когда ему заблагорассудится?! Пока ему не повылазит, пока не поперет изо всех дырок, пока он не устанет трахать, плакать и смеяться!»

Старик разволновался и стал задыхаться. Надо было успокоиться, но он не мог взять себя в руки. Дрожащими пальцами он погладил обложку книги. Посидел немного мертво, без мыслей.

«С другой стороны, - он потихоньку снова начал свой внутренний безмолвный монолог, - логика подсказывает следующее: не воспринимай смерть как личную обиду, смерть не только твой удел, умрут все. Умрут обязательно, бесповоротно, неотвратно. В этом и есть трагедия рода человеческого. Я ничем не лучше остальных. Разве что я хочу бессмертия. А кто его не хочет? Но бессмертия можно достичь только через смерть, переступив порог. Возьмем, к примеру – у нас ведь только один пример, не правда ли? – Иисуса Христа, сына божьего. Он прошел через ужасы самой страшной из смертей – казни. Сотворив миф, мы храним память о нем. Жив ли он на небесах? Да и что такое «небеса»? Удалось ли ему избежать неизбежного? А что такое душа наша и как она живет? В постоянном забвении с единственным проблеском, который называется жизнь, и который мы осознаем только, пока живы? После смерти, даже если душа наша выживет, выпорхнув неизвестно куда, допустим даже, что на эти самые небеса, мы забудем нашу жизнь и себя, какими мы были. После смерти мы не узнаем собственную душу. Хотя, кто знает? Жизнь включает смерть, или смерть жизнь? Что, если там не забвение и мрак, а самая что ни на есть жизнь? Что, если нас ожидает сюрприз? Что, если все эти ангелы и святые, со Всевышним во главе, хорошо организованы и ждут нас с распростертыми объятиями, готовые помочь и утешить? Как, впрочем, и Сатана, сочувствующий грешникам. Н-да, верится с трудом в эту белиберду. Все это церковная чушь. Думаю, что умру безвозвратно. Поэтому, возьмусь-ка я за свой сегодняшний урок».

Лицо старика изменилось, он превратился в прилежного ученика, которому нужно было хорошо выучить урок. Пытаясь противостоять, как мог смерти, старик полагался на помощь приобретенного знания. Он сам не был близко знаком со смертью. Не пришлось. Он видел смерть, но не был вовлечен. Он был далеко, когда умерли его родители, его жена умерла после того, как они расстались. Иногда он присутствовал на похоронах своих коллег, его взгляд скользил по их бледным лицам в обрамлении шелка, бархата и цветов, но он никогда ничего не чувствовал – ни сожаления, ни страха. Его развитый, но высокомерный ум ни разу не шепнул ему, что на месте усопшего мог бы быть он сам и что, однажды, он непременно там будет. Совсем наоборот, несмотря на то, что его жизнь была полна опасностей и риска, его разум уверял его в том, что жить он будет долго. Предатель!

Старик пытался отодвинуть, отсрочить смерть, умирая по чуть-чуть каждый день. Он боялся умереть внезапно, поэтому его болезнь даже устраивала его. Уж если на повестке дня стоит смерть, то лучше именно так, не сразу. Отдавая свою жизнь по кусочку, борясь и торгуясь со смертью, у него было время прожить свою жизнь еще раз в воспоминаниях. Иногда ему казалось, что его жизнь прошла быстро и впустую, что она ничего не стоит, что жизнь всего лишь иллюзия, гипнотический сон с плохим концом. «Мы существуем как призраки, не способные контролировать свой собственный разум и плоть», - раздраженно думал старик. «Мы – недоразвитые существа без интуиции, без предвидения, мы понятия не имеем, что случится с нами завтра, мы не считаем собственное прошлое достойной жизнью, мы находимся в постоянном ожидании будущего, создавая в нашем инфантильном но жадном воображении картинку подходящей для нас жизни. Мы постоянно мечтаем о недостижимом! Нам каждую минуту кажется, что вот-вот что-то изменится, что нам, наконец, будет послана манна небесная. Но ничего не меняется, вместо манны приходит смерть, не оставляя выбора, не составляя исключения».

Старик открыл книгу. Сегодня особое внимание он уделит тому месту, где описана смерть состарившейся слонихи – родительницы Тукутелы. Старик без конца перечитывал то место, где Тукутела «подняв кверху свой хобот, протрубил о своем горе так громко, что спугнул всех птиц с водопоя, взметнув их в небо шумным облаком хлопающих крыльев», и как потом «он побрел к тому месту, где кончался лес и ободрал с деревьев ветви, покрытые листьями, и принес их к водопою, покрыв ими мертвую тушу своей родительницы, воздвигнув из зелени высокий погребальный склеп».

«Хотел бы я знать», - рассеяно и гадливо подумал старик, - «кто повяжет мне челюсть, когда я скончаюсь».

Он насыпился, поняв, что начал с конца, а надо бы с самого начала, но не сейчас, не сейчас... Его рука потянулась к биноклю, казалось, чуждому предмету на столе, не гармонировавшему ни с чашкой, ни с книгой, ни с тарелкой, в которую упали красные листья. Тем не менее, бинокль означал нечто, некую деятельность, связанную с любопытством, а, следовательно, с заинтересованностью в жизни. Именно поэтому, этот тяжелый черный предмет имел смысл и был гораздо важнее всех остальных предметов на столе.

Старик улыбнулся, однако тут же в его глазах вдруг промелькнул страх. Впрочем, он быстро успокоился. Уже в который раз, он испытал приятное возбуждение оттого, что у него была тайна, и что ему не нужно было эту тайну ни от кого скрывать, так как не было никого, с кем он мог бы ею поделиться. Все секреты, воспоминания и знания, накопленные им за свою жизнь, принадлежали только ему. Вспоминать прожитую жизнь было иногда занятно, в ней много чего случилось, но как приятно было, нет-нет, да и прервать поток воспоминаний напоминанием самому себе о том, что у него есть огромный, глубокий, счастливый секрет. Этот секрет возвращал его к действительности, а это означало, что у него есть настоящее, и, возможно, даже будущее. Его будущее уместится всего в нескольких месяцах, но ведь и за несколько дней люди проживали целые жизни! Его тайна разнежила его. До самых мочек своих необыкновенных ушей, он погрузился в тепло и истому, его лицо покраснелось, а в его желудке что-то стянулось и завибрировало. Это был

чертовки приятый секрет, который возбуждал его и заставлял волноваться. Его тайна была поздней блажью, чудом, неожиданной благодатью, не испорченной необходимостью рассказывать о ней, испытывая при этом стыд. Одним словом, старик был влюблен.

Его раздумья были прерваны раскатом грома. Разросшиеся, как опухоль, тени поглотили дома, улицы, и, наконец, добрались до веранды и самого старика, сидевшего в кресле. Сиделка появилась в проеме стеклянных дверей, ее строгий взгляд уведомлял ее пациента о том, что пора возвращаться в дом. Старик ответил тоже взглядом, полным вражды и непримиримости. Несмотря на то, что эти двое жили под одной крышей уже несколько месяцев, теплых отношений между ними не сложилось. Старик винил во всем свою сиделку. Она вела себя с ним так, как будто он умирал. Бесстыдное, профессиональное, оплаченное отношение. Могла бы постараться убедить его в обратном. Аось, он бы и поверил! Нет, не поверил бы... У него был рак поджелудочной железы, с самого начала неизлечимая болезнь. Никаких симптомов на ранней стадии, а потом все уже слишком поздно. Нет нужды отравлять себя лекарствами, облучаться и оперироваться. Нет нужды бороться. Он обречен. Так зачем же бояться грозы? Какой смысл прятаться от нее? Что гроза ему сделает? Убьет раньше срока? Он мог бы обрадоваться такой смерти. Быть сраженным самой природой, могущественной, разбушевавшейся стихией, ненароком метнувшей в небытие одно из тех существ, что родилось для галочки, грязного, вонючего млекопитающего, о котором она, то бишь, природа, не имеет никакого понятия. Уж если не по кускам, то тогда старик не возражал издохнуть именно так, в руках природы-прародительницы.

- Я хочу принять душ, - сказал он.

- Мосье всегда принимает душ перед сном, - отрезала сиделка.

Она была пожилой и непривлекательной француженкой. Низкорослой, худой и скрюченной. Ее коротко остриженные, завитые волосы были выкрашены в вызывающе яркий цвет только что опавших листьев, ее маленькие глазки непонятного оттенка смотрели без всякого выражения, ее острый подбородок можно было использовать вместо оружия. Своими короткими, закругленными в локтях, но сильными ручонками она пыталась выкорчевать старика из кресла, своими короткими и кривыми ножками в толстых коричневых чулках, она твердо вросла в мозаичный пол веранды. Ее изборожденное морщинами и усилиями лицо оказалось прямо перед глазами старика. В который раз, подивившись ее редкой непривлекательности, ему захотелось предложить ей посеять в ее морщинах семена, аось, взойдут. Между ними произошла борьба. Старик в этой борьбе победил. Он был гораздо крупнее, чем медсестра, к тому же ее отталкивающая внешность придавала ему сил. Он остался сидеть в кресле.

- Оскар Уайльд однажды сказал, что каждое мгновение в нашей жизни включает все наше прошлое, настоящее и будущее. Вы читали Оскара Уайльда? - старик тяжело дышал.

Сиделка говорила по-английски с сильным французским акцентом. Было смешно слушать и смотреть на нее, так как ее рот издавал звуки, не

соответствующие движению губ. Как в дублированных фильмах. Старик ждал, что она ответит, но сиделка молчала. Потерпев поражение в недавней схватке, она старалась держать себя с достоинством, явно избегая вторичного поражения – признания, что Оскара Уайльда она не читала. С другой стороны, читать его она была совсем не обязана.

- Итак, - не дождавшись ответа, продолжал старик, - я хочу объединить все мое прошлое, настоящее и будущее в одном незабываемом моменте под струящейся из душа водой, омывшись от бесполезности прошедшего дня.

- Ваш «момент душа» до сих пор всегда настаивал по вечерам. Не будем нарушать порядка. – Медсестре удалось обрести душевное равновесие.

- Почему вы настаиваете?

- Дисциплина помогает выжить.

- Помогает кому? Вам? Выжить рядом со мной? Находиться со мной под одной крышей? Выносить меня?

- Это не легко, - вдруг призналась она устало.

- Не легко видеть, как я умираю?

- Не легко выносить ваши настроения. Они часто меняются.

- А как часто вы принимаете душ? – Старик снова украдкой посмотрел на ее морщины, легко представив борозды в распаханном по весне поле. Медсестра не была подготовлена к такому вопросу.

- А знаете ли вы, - старик продолжал свою мысль, не обращая внимания на замешательство своей сиделки, - что, в то время, как в Индии все женщины, от принцессы до простой крестьянки, ежедневно омывались, купаясь в реках, европейки гордились тем, что принимали ванну только дважды в год? А одна французская королева, не будем называть ее имени, приняла ванну всего лишь два раза за всю жизнь?

- Вы не упомянули ее имени, потому что просто-напросто забыли его. – На этот раз сиделка быстро нашлась с ответом.

- Да, я не помню его, – рассмеялся старик, – но я все еще помню, что моложе вас.

Медсестра обиделась. Ее пациент фамильярничал, на этот раз позволив себе больше, чем следовало бы, поэтому она решительно повернула разговор в серьезное и нужное ей русло.

- Я хочу поговорить с мосье о его настроениях. Это важно.

- Почему бы вам просто не согласиться с моими настроениями?

- Определенные правила, которые дисциплина...

- Дисциплина удел одиноких людей, моя дорогая медсестра.

- Разве мы, я имею в виду вы, мосье, не одиноки?

- О нет, только не я. Недавно у меня появилась очень близкая подруга – моя смерть. Она освободила меня от одиночества, а, заодно, и от всяких правил. Я не кажусь вам слишком напыщенным? Вы не смеетесь надо мной?

- Это все уловки вашего ума, мосье. Дисциплины требует ваше тело.

- Скажу вам откровенно, мое тело требует свободы более, чем когда-либо, - строптиво провозгласил Старик. - Надеюсь, вы, медсестра, понимаете, что я имею в виду.

- Начался дождь. Мне надо собрать кресла. – Сиделка залилась краской и отвернулась.

- Соберите, в таком случае, и меня и пойдемте принимать душ.

Старик подумал, что ему не мешало бы завести собаку. С ней, во всяком случае, можно было бы без стыда делиться самыми фривольными и сокровенными мыслями, но что с ней станет после его смерти?

* * *

Было семь часов вечера или около того. Старик, наслаждаясь незапрограммированным душем, заметил некое совпадение. Это совпадение вызвало у него странное чувство гармонии: стремительные потоки дождя омывали старое, грязное тело большого города; струя воды из душа омывала тело старого, умирающего человека. Он подумал о своей сиделке. Она нравилась ему, потому что имела характер и волю, потому что знала, что такое дисциплина и пользовалась ею, как своеобразным приспособлением, дающим ей возможность выжить рядом с ним. Дисциплина выковала из нее медсестру высокого класса, которая вот уже несколько месяцев находила терпение и силы ухаживать за ним. Он не мог предугадать, когда очередной приступ набросится на него, зубастой болью разрывая его тело на куски, когда его ум начнет терять ориентацию, а душа задыхаться от криков, но он знал, что в такие минуты, его сиделка всегда будет рядом. Он не сможет видеть ее, потому что слезы, густые как молоко, будут застилать его глаза. Старик не стыдился слез и плакал во время приступов точно так же, как плакала старая слониха, рожая его любимого Тукутелу. «...Ее хобот был свернут на ее груди и слезы свободным потоком струились по ее морщинистым щекам». Отстрадав очередной приступ, ему хотелось произвести на свет что-нибудь такое же красивое и трогательное, как маленький слоненок. Увы, каждый раз пожирая часть его, эти разрушительные боли так и не смогли ничего создать. Ничего, кроме отчаяния и злости...

Единственный свидетель его страданий, пожилая, некрасивая медсестра, будет сидеть подле него, пока его дыхание не станет спокойным и ровным, пока первый свет не возвестит о приходе нового дня, после чего она сама ненадолго задремлет, свернувшись, как кошка, клубочком в кресле. Он будет смотреть на ее уродливое личико, полный благодарности и блаженства, будучи счастлив оттого, что впереди у него есть несколько часов почти нормальной человеческой жизни. Он любил свою сиделку еще и потому, что, если быть до конца откровенным, она потакала его настроениям и капризам. Когда он отказался от уколов морфия, прописанных ему от болей, она не настаивала, подивившись его силе воли. Но, уважив его решение, она обрекла себя на адские муки подле своего своенравного пациента.

Старик вышел из душа и посмотрел на себя в зеркало. Он спросил себя, хотел бы он быть похожим на кого-нибудь другого. На Шона Коннери, например. Актер был уже далеко не молод, но выглядел чертовски хорошо, по-прежнему разбивая сердца молоденьких женщин. Каким-то образом, размышляя старик, актер сумел стать феноменом - у него было все: ум, мудрость и, в то же время, молодость, тело с натренированными мускулами, вид завязатого искателя приключений, даже немного ловеласа, а эти темные, бездонные, с

прищуром да с чуть заметной смешинкой глаза... Именно то, что так любят женщины, чувствительные к нежности и доброте, и всегда восприимчивые к любви. А как же он сам? Его пышные уши, например?

Старик не любил носить чужие маски. Он никогда не подражал героям и не хотел прожить чью-либо жизнь. Старик носил собственную внешность как маску. Внутри его, под кожей и мясом, существовало пространство и это пространство вмещало в себя другую жизнь. Это пространство напоминало не то сосуд, не то бутылку, вино из которой было выпито без остатка. Пустым сосудом был он сам. Это было его место в мире. Не его работа, дом, семья, машина, вещи, приобретения, капиталовложения в банке, не его репутация, а пространство в нем самом определяло его индивидуальность и имело для него ценность. События его жизни, счастливые и несчастные, проходили мимо него, не задевая этого пространства, его внутреннего сосуда. Он содержал его в чистоте и сухости. Накапливая там воспоминания и мысли – свои и чужие, он использовал его как лабораторию, где он создавал знания. Из знания образовывалась его личная культура, гарантировавшая ему независимость. Его умом невозможно было манипулировать, его дух невозможно было сломить. Кроме того, старик использовал это пространство внутри себя, как убежище. Когда его жизнь была под угрозой или когда он испытывал эмоциональные или психические перегрузки, он удалялся в свое убежище, в свой внутренний сосуд, всегда находя там успокоение и разрешение проблем. Это убежище стало его стержнем, нескончаемым источником его силы. Однако сейчас, там, в своей внутренней лаборатории, он не находил достаточно знаний и мудрости для того, чтобы привыкнуть к мысли о смерти.

* * *

Во время ужина старик задумался о гармонии и равновесии жизни. Женщина, которую он любил, была молода и красива. Сиделка, разделявшая с ним его страдания, была стара и уродлива. Красавица и ведьма.

- Как вы думаете, медсестра, когда меня не станет, что появится вместо меня? – любопытствовал старик.

- У вас есть дети, мосье.

- Да, у меня есть дети. Дети, совершенно не похожие на меня. Нет, я имею в виду, когда я умру, чем пустота будет тотчас же заполнена? Ведь должна же она быть чем-то заполнена? Вы слышали о равновесии в жизни?

- Кто-нибудь тут же родится, - предположила сестра.

- Кто-нибудь, кто не будет иметь ко мне никакого отношения?

- Конечно, не будет, мосье. Малютка просто заполнит собою пустоту, образовавшуюся после вас.

- А я? Куда, по-вашему, я денусь? – не унимался старик.

- Понятия не имею. Скорей всего, вы уйдете туда, куда мы все уходим.

Старик почувствовал нечто вроде замешательства. Впервые за долгие месяцы совместного существования, он понял, что его сиделка тоже человек и в один

прекрасный день умрет, как и все остальные. Он вел себя как капризный ребенок с роботом, разговаривать с которым было приятно и безопасно только потому, что робот лишен человеческих страхов.

- Извините меня, медсестра, я сморозил глупость.

- Не бойтесь умереть, мсье. До того, как вы родились, вам же не было страшно? Вы существовали внутри утробы своей матери, в крошечной тьме, ни о чем не догадываясь, ни о чем не подозревая, не понимая, что вы это вы, не говоря уже о том, что вы и понятия не имели о том, что вне вашей темницы существовал целый мир. Разве тогда вы боялись?

- Какой ужас! Я никогда об этом так не думал. Но теперь, после того, как вы все это живописали, я удивляюсь, как я не сошел с ума, прямо там, в утробе матери.

- Точно так же вы не будете бояться вашего нового небытия, - сиделка, казалось, не обратила внимания на его неподдельный ужас.

- Я не буду бояться моего нового небытия просто потому, что меня не будет. Некому будет бояться.

Старик понял, что он зашел по второму кругу, его ответ вернул все сказанное выше к самому началу. Кроме того, он чувствовал себя не в своей тарелке, так как не любил ситуаций, которые не мог контролировать.

- Вы верите в бога, медсестра?

- Вы будете снова принимать душ после ужина, мосье? – медсестра умышленно прервала их разговор, начинавший походиться на задушевную беседу. Она считала, что для одного раза сказала вполне достаточно.

- Нет, я буду занят сегодня вечером, - ответ старика прозвучал слишком поспешно.

Обоим стало неловко. За столом, где они ужинали, прозвучала фальшивая нота. Они достаточно долго существовали вдвоем в одном доме, чтобы оставаться чужими, но старик продолжал настаивать на своем секрете, а сиделка продолжала делать вид, что ни о чем не догадывается.

После ужина она, как обычно, включит телевизор и будет смотреть свою любимую передачу на канале «Планета Животных». Она знала имена всех докторов наперечет. У нее язык не поворачивался называть их ветеринарами, для нее они были лучше любых звезд кино. Вчера они спасли жизнь дикой гусыни. У птицы был нарост на кости крыла, оказалось, раковая опухоль. Крыло ампутировали. Когда выздоровевшую гусыню вернули в пруд, ее любимый ждал ее. Сиделка именно так и думала про гуся: «любимый». Гусь и гусыня поплыли вместе, нежно касаясь друг друга телами. Он, по-прежнему внимательный к ней, несмотря на изменившуюся внешность подруги. Заканчивая повествование, журналистка поделилась радостной новостью: у этой парочки будет потомство. Сиделка расплакалась. Плакала она не столько из-за того, что была тронута вчерашней историей диких гусей, сколько от обиды. Старик сейчас наверняка стоит с биноклем у окна своей спальни, пытаясь разглядеть в доме напротив силуэт молодой женщины. Он будет стоять там, неподвижный, замороженный любовью, пока боли не подкрадутся и не повергнут его в хаос. Он повалится на кровать и позовет ее, свою сиделку. Она, конечно, придет и постарается утешить его, позабыв на время свою обиду на то, что он скрывает от нее свои чувства к молодой женщине, в которую влюблен.

Старик смотрел, как сквозь неплотно задернутые занавеси, в его спальню просачиваются предрассветные сумерки. Парижский пригород нехотя просыпался, тревожа осенний медленный рассвет редкими звуками. В предутренней тишине предметы, лишённые теней, казались особенно неподвижными, такими же были и утренние мысли. Старик знал, что где-то в комнате, среди предметов и неподвижности, прячется призрак прошлой ночи. Черный призрак страданий, раздувшийся, как пузырь, от его болей, плача, криков и ругательств. Никогда нельзя было предугадать, когда он обнаружит себя, покинет свое укрытие и набросится на старика. Но сейчас старик отдыхал. Предчувствуя, что скоро к нему придет легкость, он неподвижно лежал в постели. Ему пришли в голову строки из Фридриха Ницше: «Сейчас я легкий и я парю; сейчас я вижу себя под собой, сейчас бог танцует во мне». Приберегая эту фразу именно для таких моментов, он знал всю церемонию собственного возвращения к жизни наизусть. Радость по поводу того, что боли отступили, робко возвещает о себе первыми толчками, она еще не захлестнула его полностью, он пока беспомощен, как младенец, и его дух, отпущенный физической слабостью тела, путешествует легко и свободно. В такие часы любой другой предпочел бы провалиться в укрепляющую дрему, но только не он, только не он! Старик был слишком жаден, чтобы отдавать сну несколько часов оставшейся ему жизни. Ему хотелось бы подкрепиться чашкой теплого молока с медом, но молочных продуктов ему нельзя, придется довольствоваться травяным чаем.

Он посмотрел на свою сиделку, давно ставшую близким и почти что родным ему человеком. Она спала, неудобно свернувшись в кресле подле его кровати. Вчера, во время ужина, он, как-то нечаянно понял, что она – человек, а не только неодушевленный инструмент, выполняющий профессиональные функции. Ему, наемнику, сделалось стыдно за свой эгоизм, но больные люди, а тем более, влюбленные люди, всегда капризны и эгоистичны. Сейчас же, глядя на нее долгим, молчаливым взглядом, он также осознал, что она не только человек, а еще и женщина. Это открытие слегка потрясло его, поскольку она мало походила на женщину. Старик знал женщин. Он любил их. У него их было слишком много. Он научился понимать этих сотворенных дьяволом и богом одновременно, непредсказуемых существ, знал, о чем они мечтают, о чем думают, насколько они могут быть сложными и чувствительными. Однако, однако, однако... Которая из всех тех женщины, которых он любил, согласилась бы, а, главное, смогла бы пережить вместе с ним ночь его болей? Отважился бы он предложить той красавице из дома напротив, в которую был теперь страстно и безнадежно влюблен, провести с ним подобную ночь? Смогла бы она? Нет, не надо.

Он грезил о ней по-другому.

Сколько раз он любил ее в своих снах и грезах наяву! Сколько раз желание поднималось из его глубин, а он подавлял его сдавленным, злым рычанием. Он никогда не желал женщину так страстно, как желал ее. Старик не знал ее имени, он не хотел знать его. Для него она была Женщиной. Божественная,

совершенная особь противоположного пола, вобравшая в себя красоту и свежесть всех женщин, которых он знал. Она была его последней женщиной. Он любил ее, он знал каждый изгиб ее тела, как уложена каждая прядка волос у нее на голове, он знал, почему она улыбается, а почему хмурится. Он подсмотрел, какие книги она читает, и, кажется, знал, о чем она думает.

Из-за нее он стал игроком. Наблюдая за ее окнами долгими часами, он не раз пытался заставить себя бросить это занятие, отложить бинокль в сторону, но не мог, и как игрок, делающий последнюю ставку в отчаянной попытке отыграться, он надеялся, что его терпение и вера в удачу, в конце концов, будут вознаграждены. Старик боялся пропустить момент, когда она повернет голову и он увидит ее глаза, прочтет ее лицо, узнает ее мысли. Предугадает ее грядущий день и почти все происшествя этого дня.

Старик поднялся с постели. Он направился на кухню, чтобы заварить горький травяной чай, который пил по утрам. Последнее время он не только успел привыкнуть, но даже полюбил свою омерзительную на вид и безвкусную еду. Он не убивался за сочным куском отбивной, приправленной специями, или за сладким сливочным десертом. Еда для него потеряла смысл и вкус. Ему не было жаль, потому что вкусовые ощущения, могущие приносить удовольствие, уступили место другим чувствам – обостренным донельзя – его влюбленности и ожиданию собственной смерти. Он не скучал за привычными наслаждениями, он сначала переступил через них, а потом и вовсе забыл о них, живя гораздо более трудными и сложными ощущениями: он боролся за свою жизнь и перед смертью хотел стать счастливым. Утренний чай был готов.

Он знал, что с минуты на минуту проснется его сиделка и придет на кухню. Ей будет неловко оттого, что она задремала и не слышала, как он поднялся и теперь, несмотря на слабость, заваривает себе чай. Она попеняет ему на то, что он должен был разбудить ее. Разговор будет не долгим, будут употребляться те же слова и выражения, что вчера и позавчера. Не дожидаясь ее, старик пересек гостиную и подошел к балконной двери.

Было около девяти утра. Дом напротив был окутан лиловой дымкой октябрьского утра и выглядел как яркая открытка, написанная акварелью. Его стены были увиты багряно-красным диким виноградом, крыша была покрыта черепицей цвета апельсина и, под лучами утреннего солнца, золотилась теплым огнем, а на оконных стеклах вспыхивали капельки ночного дождя.

Несмотря на то, что увиденная картинка представилась старику вычурно красивой, ему все же очень хотелось запомнить эти цвета и их смелые сочетания. Однако в следующую минуту он уже спрашивал себя: «Зачем? Разве я буду помнить их, когда умру? Осталось-то мне всего каких-нибудь 3-4 месяца, не больше. После этого наступит тьма, как иногда внезапно наступает тишина, я забуду, как выглядел этот дом под лучами утреннего солнца, я забуду ощущения, звуки и запахи». Большим пальцем он потер гладкую, теплую поверхность чашки, которую держал. «Я умру, а кружка останется, - подумал он с обидой и грустью, - останется и эта балконная дверь; эта улочка останется, но я уже никогда не пройду по ней. Все вокруг меня останется и будет жизнь без знания и малейшего сожаления о том, что меня не стало. Я отправлюсь в небытие, а растения на веранде дома напротив, будут цвести и терять листья, не

догадываясь о том, что кто-то часто и подолгу любовался роскошью этого Осеннего Сада».

Было что-то обидное в этой тупой безучастности окружающих предметов и растений к его скорой смерти. Как будто он, старик, был никем, или, во всяком случае, гораздо менее значимой величиной, чем, например, электрический столб, что врыт в землю у него перед окном, не говоря уже о солнце и луне, этих огромных кусках неразумной материи, не могущих уразуметь ту важную роль, которую они играют в жизни человечества на планете Земля. Старик бунтовал против установившегося порядка вещей, восставая против факта умирания упорно и яростно, каждый раз все более ожесточаясь на несправедливость смерти, а тем более, смерти преждевременной, когда еще полно сил жить и любить эту проклятую жизнь! Он знал, что где-то в глубине человеческого знания или подсознания, спрятана разгадка, еще не открытая, но простая правда, которая, будь она открыта, изменила бы человечество и жизнь на Земле. Загадка нашего рождения, нашей жизни и смерти будет разгадана, но без него. Впрочем, а будет ли? Люди рождены искать истину, но не обладать ею. В поиске истины состоит наша жизнь, в этом ее интерес и смысл. Истина же известна только тому, кто восседает на небесном престоле. Но если жизнь – это поиск истины, то, что такое смерть и рождение? Может быть, его правнуки все же обретут это знание. А до той поры, мир останется непознанным. Всему свое время.

Он продолжал смотреть на сад в горшках, возвращенный женщиной на своей веранде. Старик любил этот сад, он дарил красоту, давая силы справиться с тоскою. Красота не бывает скучной, в ней содержится необычайная глубина, достаточная для того, чтобы в ней спрятаться. Красота всегда добра, приветлива и гостеприимна. Старик хотел бы поближе познакомиться с этим садом, а, познакомившись, попросить сад, смиренно и ласково, спрятать его, укрыв от смерти под сенью широких листьев. Убедить себя в том, что растения из этого Осеннего сада способны понять его смятение перед смертью, было не трудно. Вон, между двумя разлапистыми ветками гортензии, образовалась паутина. Туда, туда за эту паутину и схорониться бы! Спрятаться и переждать, обманув смерть. Осенний сад его укроет от грозящей беды, старик верил в это. Он вдруг почувствовал сильную, почти родственную связь с этим садом. Ему всегда хотелось иметь рядом одного близкого друга, в крайнем случае, двоих, но не людей вообще, нет. Близость людей, их притворное сострадание ничего не значили для него. Сейчас же он страстно хотел, хотел до слез, чтобы этот сад, возделанный молодой и красивой женщиной, запомнил его и подал ему некий знак перед смертью.

Его взгляд скользнул вниз, на дорогу. Шум, производимый двумя служащими в униформе, привлек его внимание. Припарковав свой фургон перед домом напротив, они вышли из него, громко хлопнув дверцами. Фургон принадлежал телефонной компании *France Telecom*. Бесцеремонно громко разговаривая, они направились к дому напротив. Один из них нажал кнопку дверного звонка.

- Ее телефон, должно быть, не работает. – Сиделка стояла у старика за спиной. Она намекала на то, что знает о существовании женщины и предлагает старику поделиться секретом.

- Я позавтракаю через пятнадцать минут. Завтрак принесите в спальню. – Старик с неудовольствием посмотрел на стоявшую перед ним сиделку. Сунув ей чашку с недопитым травяным чаем, он отвернулся. Его секрет останется только его достоянием.

Ретировавшись в спальню, старик захлопнул за собой дверь. С биноклем в руках, он снова подошел к окну: что-то в это утро его особенно волновало и привлекало в доме напротив. Женщина, одетая в шелковую пижаму, отворила дверь своего дома. Тонкая, струящаяся ткань, мягко облегающая ее тело, казалось, еще хранила в своих складках тепло постели. Она впустила обоих служащих в дом и провела их в кабинет, где на письменном столе стоял телефон. Поверхность стола была обтянута зеленым сукном, по обеим сторонам находились многочисленные выдвижные ящички. Между женщиной и служащими произошел разговор, вероятно, говорили о поломке. Женщина выказывала удивление, но, в конце концов, была убеждена в необходимости ремонта. Она оставила мужчин одних и направилась в кухню. Открыв холодильник, она достала баночку йогурта. Как была, в пижаме, она вышла на веранду и устроилась в плетеном кресле, посреди кадок с цветами. Поддев пальцами маленькое ушко и оторвав крышечку с банки, женщина принялась есть йогурт кофейной ложечкой. Ложечка оказалась слишком маленькой и несколько капель упали ей на пальцы и на ее тонкую, белую кисть. Женщина слизнула капли языком. Старик подумал вдруг, почему осенью не бывает голубых цветов? Все голубые цветы распускаются только весной?

В обрамлении ярких растений, пожелтевших и багряно-красных листьев, белая кожа женщины и нежно-кремовая ткань ее пижамы слишком выделялись и резали глаз. Казалось, что между женщиной и цветами не существует связи, как не существует связи между ней и реальностью. Раз уж родилась, она существовала, но не имела желаний жить, то есть участвовать в жизни. Наблюдая за ней, старик опять задался вопросом, что является реальностью: тутошняя жизнь или запредельная? Женщина доела йогурт и теперь смотрела прямо на него.

«Она чего-то боится», - решил Старик. Те несколько минут, что она провела на веранде, слизывая розовые капли со своих белых пальцев, превратились в короткий эротический спектакль, пронзивший стариковское сердце неслышанным наслаждением. Он мог смотреть на нее целую вечность, представляя рядом с ней самого себя.

- Молодая женщина замужем, мсье, - медсестра с трудом держала огромный полупустой поднос, на котором отвратительно дымилась тарелка с жидкой кашей.

- Знаю, но она не любит своего мужа.

- Она вам об этом сказала?

- Я знаю сам. Видел.

- А он? Он любит ее?

- Ее невозможно не любить.

- Вам следовало бы образумиться, мосье.

- Вы не моя мать, чтобы учить меня уму-разуму, - разозлился старик.

- Нет, в матери я вам не гожусь, но могла бы быть вашей старшей сестрой.

- Вы годитесь на роль старой, любопытной слонихи, давно позабывшей о тех временах, когда... - старик осекся. Припомнив старую слонику, родительницу Тукутелы, он хотел сказать что-то о том периоде, когда о любви уже не мечтают, но вовремя остановился. Он был бесконечно раздражен тем, что его секрет был раскрыт.

Медсестра поставила поднос на столик у кровати и направилась к двери. Негодовать и злиться больше не было сил, она устала от его болезни и болей, как и от своего одиночества. Иногда жизнь такая, какая она есть, опостылевает хуже горькой редьки, и нет больше сил ни противостоять ей, ни, тем более, любить ее. Старик наблюдал за сиделкой и колебался. И вдруг до него дошло. Его лицо расправилось и прояснилось, осветившись улыбкой. Людей старик не любил, он видел слишком много зла, творимого людьми – неосознанно для себя и осознанно для других. Люди – скверные существа и старику за всю его жизнь так и не удалось полюбить род человеческий. Его же сиделка, решил он, хоть и принадлежала к роду человеческому, была незлобива и простодушна, относясь к разряду тех, кто родился, но особого участия в жизни так и не принял. Она стояла в стороне, делая то, что сама для себя выбрала, никому не препятствуя, не причиняя зла, ни у кого не отбирая куска хлеба. Неожиданно для себя, старик отнес ее в разряд друзей, поставив в один ряд с растениями из Осеннего Сада. Стало вдруг естественно и хорошо поделиться с ней тайной. Старик не испытывал стыда, напротив, он был бесконечно горд своей запоздалой любовью. Скрывать ее оказалось больше неумогу, да и не нужно было, и он выпалил главное без подготовительных фраз и оборотов:

- Да, я люблю ее.

Сиделка замерла у двери. Тут же откликнувшись на его признание, она сказала:

- Меня зовут Эдит.

- Пиаф? – не удержался Старик.

- Нет, просто Эдит, - сдержанно ответила сиделка. Ее терпение казалось безграничным.

- Послушайте, сестра, то есть Эдит, я наблюдаю за ними уже три месяца, и мне удалось кое-что узнать.

- Например?

- Они оба в опасности. Я имею в виду женщину и ее мужа.

- Если опасность касается их брака, то это не ваше дело.

- Нет, это другого рода опасность. Я подозреваю, что ее муж имеет отношение к наркотикам. Прямых улик у меня, разумеется, нет, пока нет. Пока нет. Просто чутье, догадки. Я заметил, что по вечерам его машина останавливается в начале улицы. Там его поджидают какие-то типы. Он выходит из машины, осматривается, словно вор, по сторонам, они передают ему деньги в конверте, он дрожащими руками сует их в карман, затем снова садится в машину и только тогда подъезжает к дому. Но в дом сразу не идет, долго сидит в машине, курит, стараясь успокоиться или обдумать что-то, и только после этого отпирает своим ключом дверь. И, знаете Эдит, между ними ничего не происходит. Она не выбегает ему навстречу, не обнимает, не целует его. Он обычно ужинает в одиночестве и отправляется спать, в то время как она продолжает читать или смотреть телевизор в гостиной. Он, как будто, боится чего-то, боится побыть с ней наедине, поговорить. Скорей всего, он боится нечаянно сболтнуть лишнего.

Боится, что ноша молчания в один прекрасный вечер станет невыносима для него.

- Почему именно наркотики? Это может быть что угодно.

- Моя дорогая Эдит, я проработал в ЦРУ, в их Центре по Борьбе с Наркотиками (CNC), без малого два десятка лет. Этого вполне достаточно, чтобы учуять это проклятое зелье и все, что связано с ним, за версту. Дело в том, что продавцы наркотиков, особенно те, кто приторговывают небольшими партиями – мы называем их распространителями – ведут себя очень типично. У всех у них одни и те же повадки, поэтому их можно легко распознать. Уж поверьте мне на слово.

- Что же нам делать? Звонить в полицию? – Эдит казалась не на шутку встревоженной.

- Нет, - ответил старик. – Мы будем продолжать наблюдать. Он знает, что делает. Надеюсь, он также знает, что ему грозит в случае, если попадетсЯ. Хотя, признаюсь вам откровенно, ее муж меня мало интересует.

- Да уж, конечно. – Не удержалась Эдит.

- Возможно, мы сможем помочь ей. – Многозначительно округлил свою мысль старик.

- Но как?

- Пока не знаю. Что-нибудь придумаем, сестра.

Больше не таясь от своей сиделки и действуя на этот раз открыто, старик медленно и со значением поднес бинокль к глазам. Он был капитаном корабля и с капитанского мостика направлял свой бинокль в сторону опасности. Его убеленные сединой космы развевались на ветру. Рядом твердо и прямо стояла маленькая и сухонькая Эдит, полная благодарности за то, что ее посвятили в великую тайну. Теперь их было двое: она ощущала плечо более опытного товарища, ее сердце замирало от сознания того, что враг совсем рядом, только улицу перейти, ее переполняла гордость за то, что рано или поздно, вдвоем они этого врага одолеют. Эдит чувствовала полную ответственность за происходящее.

Женщина все еще была на веранде, она прохаживалась между кадками с растениями, обирая засохшие лепестки с цветов. С пола она подбирала мокрые, побитые ночным дождем, листья. Старик перевел бинокль на окна кабинета, где двое мужчин продолжали возиться с телефоном. Неожиданно, один из них, быстро оглянувшись, выдвинул ящик письменного стола и взял оттуда обтянутую бархатом шкатулку, в которой женщина хранила свои драгоценности. Было очевидно, что, он действовал наверняка – он абсолютно точно знал, что искать и где то, что он искал, находится. Открыв шкатулку, он выудил оттуда пару бриллиантовых серег. Пока его напарник наблюдал за дверью, ведущей на веранду, он неторопливо рассматривал серьги. Затем, также без суеты, он сунул их во внутренний карман куртки. Водворив шкатулку на место, в нужный ящик стола, он навел порядок вокруг телефонного аппарата и кликнул женщину. Коротко объяснив ей, в чем состояла неисправность и что она устранена, они ждали, чтобы женщина с ними расплатилась. При виде такой наглости, старика передернуло: «Это уж слишком!» - пробормотал он. Получив деньги, они распрощались. Квитанция, между прочим, выписана не была. Быстро покинув дом, оба служащих *Франс Телеком* сели в фургон и уехали.

Старик в изумлении посмотрел на медсестру, гадая, видела ли она то же, что видел и он, или все это ему померещилось? Рот Эдит был приоткрыт, она была удивлена и испугана, и, по всей видимости, потеряла дар речи. Старик расценил ее молчание по-своему: посчитав, что она должна что-то сказать, но не может, он разразился вопросами за нее:

- Почему я стою, как вкопанный на месте? Вы думаете, мне надо бежать вниз? – вопил он вне себя. – Что я должен делать? Догнать их? Но это глупо, Эдит! Они уже уехали!

- Но серьги..., - наконец-то выговорила Эдит.

- Да, серьги. Ее единственное стоящее украшение. Так что же? Жаль, конечно.

- Зачем им понадобилось красть ее серьги? Что это значит?

- Эдит, когда люди крадут, это значит, что им нужны деньги. Но тут что-то другое. Вот только что? Вы правы, поставив вопрос именно так. Возможно, эти люди как-то связаны с ее мужем. Вполне вероятно, что, если он им задолжал, они, таким образом, забрали свой долг. Может быть, это предупреждение.

Интересно, когда она хватится? – добавил Старик после некоторого молчания. – Сегодня или позже?

- Она расстроится, мосье. – В глазах сиделки блеснули слезы.

- Не должна. Одевайтесь, Эдит. Я собираюсь попросить вас об одном одолжении.

* * *

На следующее утро, как только старик проснулся, стряхнув с себя невразумительные сновидения, он тотчас же отметил про себя две вещи. Во-первых, ночь прошла без болей, а, во-вторых, кресло, где обычно спала его сиделка, пустовало. Оглядев комнату, он увидел, что Эдит несла вахту у окна. Скрючившись в неудобной позиции и застыв, как это делают снайперы в боевых условиях, положив тяжелый бинокль на подоконник, она пристально следила за входом в дом напротив.

Старик молча наблюдал за ней некоторое время.

- Ну, и чем, по-вашему, вы занимаетесь сестра? – ему с трудом удавалось скрыть улыбку.

Эдит, которую застали врасплох, испугалась, что ее непредсказуемый пациент разозлится на перехваченную у него инициативу по бдению за домом напротив. Поэтому она умело и решительно перевела разговор на другую, неожиданную для старика тему.

- За все это время вы ни разу не упомянули вашей жены.

- А зачем? Разве я в чем-то виноват?

Старик догадался, что во время утреннего бдения у окна, Эдит размышляла. Она, скорее всего, старалась убедить себя в том, что его любовь к молодой женщине не является чем-то пошлым, постыдным или, попросту ненужным. Ей хотелось знать, что случилось с его женой, и не тянется ли из его прошлого некоего обязательства, которое не было в свое время удовлетворено или прекращено? Она хотела поверить в то, что любовь к молодой девице из дома

напротив имеет право на существование, что эта запоздалая любовь, а, лучше сказать, блажь, никому не причинит вреда. Принимая сторону старика, Эдит всей душой желала, чтобы в последнюю минуту не появились способные все разрушить помехи, и чтобы у него и у нее совесть была чиста.

- Вы хотите знать о моей жене или что я думаю о браке вообще? – спросил старик.

- И то и другое. Поговорите со мной. – Эдит оставила свой пост у окна и на затекших ногах проковыляла к креслу, в котором обычно несла вахту во время приступов своего пациента.

- Давайте сначала о браке, – отхлебнув большой глоток травяного настоя из чашки, продолжал Старик. – Даже самый счастливый брак является взаимным угнетением. Обычно один из двоих старается сохранить верность, что не всегда получается, другой старается понять и простить ложь и предательство, что тоже не всегда получается. Я познакомился со своей женой, когда она была еще совсем ребенком, ей только исполнилось семнадцать. Мне было около тридцати. Я жил, постоянно рискуя жизнью, гоняясь за крупными наркоторговцами, надеясь сорвать прекрасно, иногда гениально организованные контрабандные поставки больших партий наркотиков из Юго-Восточной Азии на западное побережье США. В те годы это был один из каналов, который доставлял нам особенно много хлопот. Вы знаете, Эдит, что я американец. Моя жена была француженка. Ее звали Мишель. Когда мы встретились, она уже была наркоманкой со стажем. Поначалу я ни о чем не догадывался. Нас познакомили в Штатах, куда она приехала в гости к родственникам. Мишель была прехорошенькая, думал, поволочусь немного, а там разойдемся. Узнав про наркотики, я запер ее в своей квартире и семь недель провел там вместе с ней. Чего только я не насмотрелся и не пережил вместе с ней! Ее попытки свести счеты со своей жизнью, ее мольбы прикончить ее. Временами ее страдания были непереносимы. Я был упрям, это помогло. Я убедил себя, что должен вытащить ее из этого ада. Хотел спасти ей жизнь, кроме того, мне нужно было пройти через ад самому.

- Зачем вам это понадобилось? Господи, как все это ужасно! А что ее родители?

- Они не знали, а если о чем-то и догадывались, предпочитали не вникать. Ее родители были баснословно богаты: светские тусовки, преумножение капитала и поддержание собственной безупречной репутации отбирала у них все время. Мишель была предоставлена сама себе. Знаете, ребенок, у которого все есть, кроме любви.

- Знаю. Да, я знаю, мосье, – горячо откликнулась Эдит. – Вы так точно сказали – ребенок, у которого есть все, кроме любви.

Старик внимательно посмотрел на Эдит, но не спросил у нее, откуда она знает, каково бывает такому ребенку. Он продолжал.

- Так вот, про ад, через который мне надо было пройти. Прошагать по раскаленным углям, Эдит, запомнив все муки и страхи ада. Когда я встретил Мишель, я вдруг, понял, что потерял, не заметив где и когда, собственную жизнь. Не знаю, поймете ли вы меня. Мне приходилось слишком много убивать, и чужие смерти, повиснув на моей совести, превратили мою жизнь в кошмар. С другой стороны, я не только убивал, но каждый божий день рисковал и собственной паршивой жизнью. Мало-помалу она перестала быть даром,

имеющим хоть какую-то ценность или, на худой конец, привлекательность. Меня ничего не радовало, я ничему не удивлялся, я не был счастлив. Я много пил. Я потерял способность любить женщин. Нет, я спал с ними, но ни одну из них не мог полюбить по-настоящему. Я видел столько грязи, насилия, смертей, что мое сердце окаменело. Моя работа меня медленно убивала. После того, что я посмотрелся, я стал ненавидеть людей, Эдит! Детей, они приучали к наркотикам детей! После изнуряющего рабочего дня, когда в течение десяти-двенадцати часов эти малолетки под палящим солнцем обрывали маковые головки, их возвращали в сараи, кормили на скорую руку, а потом развлекались с ними. Они их насиловали каждый божий день! Я все это видел. Эта грязь проникла в меня, я не мог выносить самого себя потому, что я был, как и те выродки, человеком и мужчиной. Я должен был или перемениться, родиться заново, что было бы чудом, конечно, или погибнуть в какой-нибудь перестрелке. Второе было более реально. Когда я встретил Мишель, я был ходячим мертвецом. Я так хорошо подготовился к смерти, что просто ждал следующего случая подставиться под пулю. Но, представьте, ее болезнь сотворила чудо. Стараясь спасти ее, я переместился в другую реальность, и там, в той реальности, ухаживая за ней, я понял, что жизнь стоит того, чтобы прожить ее до конца. Когда кризис миновал и она смогла обходиться без зелья, нам бы разойтись в разные стороны, но вместо этого, мы поженились. Она была благодарна за свою спасенную жизнь, я был благодарен за свершившееся у меня на глазах чудо. Наши сыновья, они теперь уже взрослые люди, обвиняют меня в том, что я женился на Мишель из-за денег. Они всегда ревновали меня к ней. В своем завещании она оставила все мне, а не им. С тех пор, как она умерла, я не притронулся к ее деньгам, но и детям не отдал. Не сложилось у меня с ними. Этот дом, между прочим, принадлежал ей. Несколько месяцев назад, когда я узнал, что умру, решил переехать из Штатов сюда, в Париж.

Старик немного помолчал. Он устал, воспоминания расстроили его, снова напомнили о смерти. Переведя дух, он продолжал:

- Да, мне захотелось умереть в том доме, где скончалась моя Мишель. Она умерла в одиночестве. Рядом с ней не было ни детей, ни меня. Но я не хочу каяться, я хочу любить. Мне страшно умирать в одиночестве. Хотя, мне уже повезло: есть вы и будет еще она. Когда я прилетел в Париж и поселился в этом доме, то подумал, что здесь, на незнакомой улице, среди незнакомых людей, говорящих на языке, которого я не понимаю, умереть будет легче. Отчужденность создает пустоту, пустота есть пустота, она почти что смерть, сестра. Но потом увидел ее в доме напротив и ... ужасно привязался.

- Рано ушла ваша жена, - пожалела Эдит.

- Тут вы правы, сестра. Рано. Я изменял ей. Чудо не продлилось долго. Прошло несколько недель после нашей свадьбы и я вернулся на работу. Все началось сначала. Пошло-поехало. Не надо было мне жениться. Она волновалась каждый день, приду ли я домой живой и невредимый, или придут двое моих сослуживцев, чтобы сообщить ей печальную весть. Что касается меня, то из-за постоянного риска в моей крови было до хрена адреналина, который требовал выхода. Выход я находил в сексе. Я не прошу прощения у вас ни за свои слова, ни за поступки. Вы не были в моей шкуре и не дай вам бог! Я спал с женщинами почти всех национальностей. «And may I say I had the best», а, сестра?

Не обращая внимания на его браваду, Эдит поняла, что он поведал ей сокровенное. А сколько раз при этом, он назвал ее сестрой, вложив в это слово такой глубокий, родственный смысл!

- Она знала? – спросила Эдит.

- О моих изменах? Знала. Знала и всегда ждала, когда я вернусь. Пока ей стало неважно.

- Терпеть ваши измены?

- Нет, не измены. Ей было неважно ждать – это ужасно, когда не живешь, а только ждешь. Знаете, такие длинные по времени ожидания с вопросительным знаком в конце. Убивая дни и недели в ожидании, она хлестала свое шестое чувство, пытаясь угадать будущее, увидеть и прочесть знаки, посланные провидением и ее интуицией. Так вот, пришло время и даже ее терпение иссякло. Мы расстались за несколько лет до ее смерти. Она вернулась в Париж, но вместо спокойствия обрела смерть.

- А ваши сыновья?

- Они живут в Штатах. Оба женаты. Не могу выносить их жен, не могу понять этих женщин. А вы были замужем, сестра?

- Для некоторых замужество не представляется столь уж большой необходимостью. – В словах Эдит было много достоинства и боли, но еще больше разочарования.

- Вы сильная женщина, Эдит.

Старик поднялся и пошел в кабинет. Не найдя там успокоения, он принялся ходить из комнаты в комнату, разглядывая предметы вокруг себя. Они были ему незнакомы и не были связаны с его жизнью. Тем не менее, они не вызывали в нем раздражения или неприязни. В этом доме ему было хорошо и уютно, он даже пожалел о том, что не сумел свить настоящего гнезда с Мишель. Вернее, она-то гнездо вила, но он его отвергал. А Мишель была женщина со вкусом, тонкая и терпеливая. Она любила его. Зачем он отталкивал ее? Все никак не мог успокоиться.

В то же время старик воспринимал этот дом, как сцену, одетую декорациями. Когда начинаешь жить среди незнакомых вещей, поневоле начинаешь играть. Выдумываешь или вспоминаешь. Так и старик, вспоминая что-либо из своей жизни, каждый раз выбирал новую комнату, ту, что больше подходила к его настроениям. На этот раз он расположился в гостиной, где стоял рояль. Ему захотелось вспомнить, почему именно он выбрал свою работу, став сотрудником Центра. Он не горел желанием сделать мир лучше, чем он был и есть. Ему всегда нравилось играть на пианино, читать книги и размышлять. В юности, представляя свое будущее, принимая одно и отбрасывая другое, он развил привычку анализировать и сравнивать. Тогда он анализировал и сравнивал возможности, сейчас, в конце жизни, так несправедливо укороченной болезнью, черт бы ее побрал, он пытался принять огромный для его разума вызов – умереть, но умереть без страха. Тщетно. Но вернемся туда, в молодость. Проводя много времени за чтением, он выучился понимать умы и характеры людей, и это понимание позволило ему предугадывать их дальнейшие действия. Лучше всего ему думалось под рэгги, мелодии, которые он виртуозно исполнял на пианино. Однажды ему пришла мысль, наглая и тщеславная, сразиться с большими умами криминального мира. Он был молод и высокомерен, никогда

не отличался скромностью и знал себе цену. Он был образован, умен и здоров. Прошло несколько лет, карьера его складывалась удачно, он одерживал победы. Но с одержанными победами пришло понимание, что умы, творящие зло, уничтожить можно, нельзя искоренить нечто другое. Как определить это нечто? Зло, растворенное в мире, как зараза в водоеме, зло неизмеримое и неуправляемое, зло, существующее само по себе. Злыми бывают человеческие судьбы. Предрасположенность еще до рождения иметь именно такую судьбу, все равно, что иметь предрасположенность к болезни или уродству. Прийти в жизнь, как будто попасть в ловушку, откуда не вырваться. Прожить жизнь, точно провести годы в западне, назвав западню жизнью, или наоборот...

В начале девяностых, когда в России начались перемены, новоиспеченными российскими реформаторами решено было приоткрыть для некоторых иностранных служб по борьбе с наркобизнесом, завесу некоторых проблем, пустивших корни в бывших союзных республиках. Сотрудничество казалось обоюдовыгодным предприятием, поскольку проблемы, такие, например, как производство и распространение наркотиков, имели глобальный характер. Горбачев только что организовал и провел антиалкогольную кампанию, приказав в нескольких республиках повырубать бесценные виноградники. Меньше русские пить не стали, но за неимением качественной выпивки, пристрастились к одеколону, денатуратам, клеям и наркотикам. Утверждения типа того, что в Советском Союзе нет секса, наркотиков и безработицы уже никто не воспринимал даже в шутку. Население Москвы, Ленинграда и других больших городов центральной России потянулось к косячку с зельем, а то и к шприцу, что было посерьезнее любого косячка. Наркота, тем не менее, была вполне доступной – ее без помех доставляли из уже бывших братских среднеазиатских республик, с севера граничащих с Россией, а с юга с Афганистаном. Так, с группой специалистов старик оказался тогда в Таджикистане. Когда он рассказывал о своей поездке, никто не понимал, что такое Таджикистан, позже он часто просто говорил: «Я был в России». Тогда все было Россией.

Далеко от столицы Душанбе, там, где простираются бескрайние степи и встречаются редкие поселения, курсируя между полями, засеянными коноплей, он стал свидетелем тому, что ужасало его до тех пор только теоретически. Ужасало своей неправдоподобностью. Там, в Таджикистане, его собственная угробленная жизнь представлялась ему захватывающим боевиком, с погонями, победами и красивыми женщинами. Ему даже показалось, что его жизнь была полна смысла. Жизнь людей из таджикских поселений была обратной стороной его собственной жизни, мутным негативом черно-белого фильма.

Он вспомнил, как сидел на корточках в пыли, облокотившись спиной о кусок войлока – из таких кусков были сложены юрты, жилища степных поселенцев. Ожидая военный джип советского образца, газик, как его называли местные, он наблюдал людей и их жизнь. Никто не обращал на него внимания. Юрты стояли посреди пустой, продуваемой ветрами, степи. На некоторых из них ветер трепал развязавшиеся тканые обмотки. Рядом переминались две лошаденки, одну из них доила старуха, чье лицо было замотано куском грязной тряпки. По утрамбованной земле непрерывно ползла поземка пыли. Пыль была везде: въедаясь, оседая и смешиваясь, она присутствовала в воздухе, на зубах, в

волосах, в пище, в кумысе. Она висела паранджой на глазах, размывая и скрадывая реальные очертания предметов. Частичная потеря зрения притупляла работу мозга, погружая сознание в дремоту.

На конопляные поля добирались на лошадях, чаще, правда, пешком. Русские перекупщики приезжали в назначенное время за товаром, забирая у сборщиков за гроши мешки с коноплей. Мешки эти в товарняках переправляли в Москву, потом в Ленинград и Восточную Европу. Местные не радовались грошам, полученным за сбор, им некуда было эти копейки тратить. Они радовались пойлу, которое привозили с собой москвичи – грязные бутылки с мутным самогоном. Некоторые сборщики жили семьями, в которых рождались дети. Грудным сосункам давали сосать коноплю вместо молока, чтобы не орали и пореже пробуждались от своего дурманного сна. Да и незачем было просыпаться. Никто из этих малолеток не вылетит из силков. Они родились в западне, в ней и умрут. Жизнь свою они проживут, созерцая замутненным взором все ту же бесконечную степь, продуваемую ветрами, те же конопляные поля, ту же пыль и тот же простор, за пределы которого не выбраться.

Старик вспомнил мальчишку, худого, замызганного, набивающего мешки коноплей. Он тогда подумал, задавал ли себе этот мальчишка, как это делают сотни подростков во всем мире, вопросы о своем будущем. «Кем я стану?», например, или «Что ждет меня? Что там, за горизонтом?» Старик тогда с ужасом подумал о том, что мальчишка не волновался о своем будущем просто потому, что ничего не знал. Он не знал, что существуют другие страны, даже другие города в его же Таджикистане. Знал ли он название страны, где жил? Он не был способен думать или мечтать, потому что был невежествен и с рождения был обречен на существование в одурманенной реальности, похожей на сон. Он вырастит на ощупь, удовлетворит свои не очень выраженные инстинкты, произведет себе подобных и, однажды, умрет в этом тупике необъятности. Смерть придет к нему легко и естественно, неразличимая от желания уснуть. С такой судьбой, с таким злым роком никому не совладать. Такую судьбу нельзя ни изменить, ни обмануть. Ее нельзя ни предсказать, ни избежать, появившись из темноты на свет. Ее можно только страшиться и молить бога на смертном одре пощадить тебя, не давая такой доли в следующей жизни. Такая судьба – это ад.

Старика передернуло. Ему понадобилось время, чтобы пережить эти воспоминания. Однако на этот раз ему не было жаль своего времени, он коротал его в ожидании, когда женщина обнаружит пропажу.

Взяв бинокль, он подошел к окну. Женщина была в гостинной. Она прохаживалась среди предметов мебели, поглаживая спинку дивана, дотрагиваясь кончиками пальцев до полированной поверхности стола. Казалось, она не знала, чем занять себя. Несколько раз она посмотрела в окно, и старику показалось, что она увидела его. Отвернувшись, женщина взяла щетку для волос. Встав перед зеркалом, она начала расчесывать волосы, закалывая их и снова распуская, поддерживая тяжелые пряди своими прекрасными белыми руками. «Ее руки похожи на белые крылья лебедя». Старик вспомнил, что Альфред Нобель за несколько дней до своей кончины записал в своем дневнике, что ему не удалось достичь ничего значительного. «Точно так же, подводя итог, я могу сказать, что никогда не любил. Вернее, никогда раньше не любил», - подумал

Старик. Его захлестнула волна отчаяния. Он не мог больше ждать, ему не терпелось открыться женщине, рассказать ей о своей любви. Ему надо было, чтобы она обнаружила пропажу серег еще до вечера.

Собрав волосы на затылке и поддерживая их одной рукой, женщина пошла к письменному столу и, выдвинув ящик, достала шкатулку с драгоценностями. Открыв ее, она некоторое время удивленно смотрела внутрь шкатулки. Опустив волосы, она стала рыться в шкатулке, но все без толку – она не могла найти того, что искала. Торопясь, она начала выдвигать другие ящики письменного стола. Ее лицо изменилось, она была взволнована и испугана. Через час весь дом был перевернут вверх дном. После этого она, наконец, поняла, что ее бриллиантовые серьги исчезли.

«Время ужинать», – Старик загадочно улыбнулся. Он молил бога только об одном – чтобы сегодня вечером не было дождя.

Эдит накрыла стол на веранде для одного. Солнце медленно садилось, его лучи золотили крыши парижских домов. Тени удлинились, переплетаясь в причудливые узоры. Но пятна света, как прозрачные сосуды на весу, были наполнены золотистым воздухом. Это предвечернее сияние было прекрасным даром, преподнесенным всем парижанам теплым октябрьским вечером.

Старик одевался к ужину в кабинете. Время от времени он подходил к окну и бросал взгляд на входную дверь дома напротив. Наконец, он увидел посыльного из цветочного магазина с букетом роз и белых амариллисов. Посыльный также держал небольшую коробочку, перетянутую темно-зеленой шелковой лентой. Старик отступил от окна в глубину комнаты. Удовлетворенно причмокнув губами, он подошел к небольшому овальному столику у стены. Ему понадобились запонки и он выдвинул один из ящичков. Его взгляд натолкнулся на пистолет. Он совсем забыл, что положил оружие сюда, а не в сейф, как полагалось. Привычно вложив пистолет в свою большую ладонь, старик подумал о том, что он отнял много жизней. Стоящих или нестоящих – кто бы взялся судить? Убивать было частью его профессии. Тот факт, что он сам выжил, не особенно радовал его. Лучше было бы умереть тогда, молодым, полным сил и не влюбленным. Умирать сейчас во сто крат тяжелее. В молодости все легче, даже смерть принять легче, тем более смерть внезапную. Сам-то он был невероятно щедр, даруя своей очередной жертве молниеносную смерть, свою же кончину он вынужден ожидать. Он знает, что старуха с косою уже постучалась и вошла, но когда она замахнется, кто знает? Он ждет теперь своей кончины, как когда-то ждала его жена: изо дня в день, бесконечно и мучительно. Старик положил пистолет обратно в ящик. Не так давно ему пришлось в голову одушевить свой пистолет, завещав ему свои грехи. Пусть отнятые жизни будут на его совести. Старик не хотел, чтобы его тревожили призраки, и был благодарен за то, что черный металлический предмет с убойной силой, молча принял его грехи на себя.

«Эдит должна знать про пистолет, – решил Старик. – Надо сказать ей, чтобы после моей смерти передала его властям».

Когда Старик закончил одеваться, было уже темно. Посреди ярко освещенной веранды стоял стол, украшенный букетиком из роз и белых

амариллисов. Старик сел за стол. Он не знал, куда деть свои большие руки. Он не любил есть на людях, в ресторанах или кафе, не любил приемов и других официальных чревоугодий потому, что уже много лет был одинок. Оберегая свое одиночество, он старался не демонстрировать его. Быть одиноким среди жующего люда всегда не просто, это вызывает сожаление, осуждение и презрение. А сейчас? Что он себе думает, торжественно восседая за столом, накрытым для одного? Наверяд ли его соседка догадается о том, что произошло на самом деле, поэтому ожидать от нее определенной, а, тем более, нужной ему реакции, скорей всего, не стоит. Эдит принесла ужин, до которого он не дотронулся. Время шло, ничего не происходило и старик, заскучавший от собственной глупости, уже собрался было вернуться в дом.

- Я – слон, - громко сказал он.

Последний раз повернув голову, чтобы бросить взгляд на Осенний Сад, он вдруг увидел ее. В обрамлении листьев и пышных соцветий женщина стояла, не шелохнувшись. Ее невероятно красивое лицо было открыто, ее волосы были забраны на затылок, ее глаза лучились, а губы чуть усмехались. Казалось, она была удивлена и обрадована тем, что смогла разгадать шараду, придуманную специально для нее. Две бриллиантовые серьги, свисавшие с мочек ее ушей, поблескивали в мягком вечернем свете. Любовь захлестнула старика с такой силой, что превратилась в боль, наполнив его глаза слезами. Стараясь скрыть набежавшие слезы, он отвернулся к окну. В проеме окна, в свой полный маленький рост, неподвижно, как статуя, стояла Эдит. В руках она держала бинокль. Старик снова перевел взгляд на женщину.

Застигнутые и очарованные внезапным сильным чувством, все трое смотрели друг на друга, не отрываясь. Объединив их, это чувство сделало их также соучастниками действия, волшебного и небывалого. Старик улыбнулся женщине и загадал желание. Ему почудилось, что он хочет родиться заново, но только в ипостаси ее ребенка. Если после смерти его душе будет снова дарована привилегия связать себя с телом, одухотворив новую жизнь, он хотел бы, чтобы плоть эта была зачата в ее утробе. Старик любил женщину так сильно, что верил – только в ней ему будет не страшно дожидаться в темноте и неизвестности начала новой жизни.

* * *

- И что же теперь, она навестит нас? – на следующее утро Эдит была готова принимать гостей.

Ей сладко представлялась следующая картина: она и молодая женщина сидят за столиком, пьют чай из фарфоровых чашечек с цветочками и болтают о всякой всячине. Потом разговор неотвратимо коснулся бы старика, и Эдит с удовольствием поведала бы своей собеседнице каким сильным, мужественным и одиноким был ее пациент. Обе умиленно сошлись бы на том, что он – неординарная личность. У него силен и крепок дух, его любовь не знает границ,

полет его воображения высок и плавлен. Влюбленный пациент не молод, конечно, но вот, поди ж ты, сердце его, незвано-негаданно, задело последним и таким пронзительным, трепетным чувством. Натерпелся он за свою жизнь, никому не пожелаешь! Однако душа у него живая и тянется эта душа к ней, красавице-соседушке. Чего там думать, да рассуждать, да примериваться? Счастье оно вот, перед самым носом, только руку протянуть и взять его. Именно так Эдит уговаривала бы женщину из дома напротив, загляни та к ним в гости.

- Не думаю. Ей нужно время, - прервал ее грезы наяву старик.
- Перейти дорогу? – всполошилась Эдит.
- Нет, принять предложение.
- Но мосье, только вчера вечером, засыпая, вы бормотали что-то нечленораздельное о том, что хотите стать зародышем в ее утробе.
- Я передумал. Нет необходимости мне самому становиться зародышем. У нас будет ребенок.
- Как вы можете такое говорить?! – возмутилась Эдит. Она узнала о вашей симпатии, и, возможно, о вашем существовании только вчера. Она понятия не имеет, что происходит на самом деле. Бедная женщина даже не подозревает, что вы не только влюбились в нее, не только успели женить ее на себе, но уже планируете отяжелить ее ребенком. Знаете, о чем она думает? Я вам скажу! Она, думает, что это вы украли ее драгоценности! На ее месте я бы ужаснулась тому, что произошло. Может быть, именно сейчас она звонит в полицию. И поделом вам!
- Ничего подобного она не делает и ничему не ужасается. Она готовится к новой жизни. Для этого ей нужно время.
- А если вы ей не нравитесь? Вы уже далеко не молоды и эти ваши уши...
- Не вы, Эдит, нет, не вы, а только настоящая женщина, может оценить такие уши, как у меня. Большие уши отличают особу незаурядную с необычной судьбой. У многих, самых выдающихся императоров и королей были большие уши.
- Я не шучу, мосье, - не сдавалась сиделка. – В таких делах вы не можете принимать решение один!
- Я люблю ее, Эдит, - Старик внезапно разозлился. – Я никогда не утверждал, что она любит меня, потому что это не имеет значения. Сейчас я думаю только о себе и о своих чувствах. Я, видите ли, проникся необыкновенной теплотой к своим чувствам. Да, именно к своим чувствам! Разве не все мы думаем только о себе? А, сестра? Мы понимаем свои собственные чувства и отзываемся на них незамедлительно, потому что они нам дороги. Они делают нас счастливыми или несчастными. Нам наплевать на чувства, которые не касаются нас непосредственно. Когда мы говорим «я не хочу, чтобы ты умирал» человеку, который умирает, мы имеем в виду не его, а себя. Нам будет одиноко после его смерти, нам не будет хватать его присутствия, его любви или его денег. Наша жизнь изменится наверняка, и нам жаль себя, а не его. Именно поэтому мы проливаем слезы у постели умирающего. Мы даже не стараемся понять, что на самом деле чувствует тот, кто умирает, а ведь это он – главный герой трагедии, не мы. Когда мы орем на нашего ребенка за то, что он поздно пришел с вечеринки домой, мы оберегаем собственный покой, а не его безопасность. Мы орем на него просто потому, что лишний раз поволновались. Так вот, я люблю

ее. Что касается ее чувств – у меня есть все, что ей нужно. Когда она поймет это, проклюнется и ее любовь.

Эдит слушала настороженно, даже враждебно. На этот раз красноречие ее пациента не убедило ее. В ней восстал ее женская гордость. В нашей маленькой Эдит зашевелились зачатки такого понятия, как равенство полов. Она понятия не имела, что на самом деле происходит в тот самый момент, когда мужская особь вознамеривается покорить женскую – собственный опыт ничего ей по этому поводу не подсказывал – но интуитивно она отвергала такой грубый, односторонний и агрессивный подход. Несмотря на свой преклонный возраст и отталкивающую внешность, Эдит, тем не менее, была довольно романтической особой. Именно поэтому она так часто и с удовольствием смотрела *Планету Животных* – ее сердце трепетало от чувств, стоило ей увидеть, как наши братья меньшие, без притворства и стеснения, демонстрируют свою любовь, нежность и привязанность.

- Не сердитесь, Эдит, - немного смягчился старик. – Хочу объяснить вам, что я имею в виду. Это называется логикой. После моей смерти кто вспомнит обо мне? Люди? Они первые забудут. Люди боятся смерти и, всеми правдами и неправдами, пока это возможно, они стараются обойти ее стороной. Мои сыновья вряд ли будут долго горевать. Даже вы очень скоро избавитесь от воспоминаний обо мне, вашем трудном пациенте. Вещи? Предметы без души? Они будут продолжать быть, не подозревая о том, что я жил и умер. Только мои мысли и чувства, как верные стражи, сопровождают меня в мир иной. Почему же я должен пренебрегать ими? Почему не побаловать их напоследок? Почему не устроить им пир, не напитать и не насытить их радостью и удовольствием, прежде чем я умру и они вместе со мной?

Эдит сидела в кресле. Ее здравый смысл настаивал на том, чтобы она не ввязывалась в то, что задумал ее пациент, но ее сердце настаивало на другом. Впервые, после смерти отца, с ней разговаривали, на нее тратили время, разъясняя то, что самой ей было трудно понять. Кто-то пытался добиться ее симпатии, ее внимания и расположения. Она вдруг поняла, что старику не безразлично ее мнение, более того, он хотел привлечь ее на свою сторону, сделать своей союзницей, превращая ее в важную персону в собственных глазах. Эдит почувствовала, что уже вклеилась в то окружение, в котором находилась, став его частью. Она представила себе кукольный домик и себя – маленькую фигурку, вырезанную из картона, но фигурку важную, полную значения, которая имеет право участвовать в игре, как только игра будет затеяна.

Она подумала о семье, где обмениваются новостями, обсуждают случившееся, рассказывают друг другу сны и судачат, выражая, таким образом, свою любовь и принадлежность к одному замкнутому кругу. Ее одиночество, длинное в жизнь, было тяжким бременем. Ей не удалось полюбить свое одиночество так, как старик любил свое, находя в нем убежище, наполняя его размышлениями и воспоминаниями, а также выдуманной, запоздалой любовью. Он наполнял свое одиночество деятельностью ума и сердца. У Эдит же не было таланта к одиночеству. Она не подозревала, что процесс мышления или познания может возбуждать. Она была рождена для простых женских радостей, в этом смысле Эдит была типичной, но обделенной женщиной. Обладая силой духа, она никогда не думала о том, чтобы собрать внутри себя знания,

превратить жизненный опыт в мудрость, чтобы начать читать книги или писать что-то, выплескивая пережитые обиды и радости на бумагу. Эдит была простой и приземленной, без зуда созидания. Свои незамысловатые мысли и чувства, а, также одинаково прожитые дни и годы, она хотела бы разделить с семьей и соседями, проведя всю жизнь в разговорах о мелочах, попивая чай из фарфоровой чашки с цветочками, искренне предлагая собеседникам свои преувеличенно-восторженные реакции на поведенные ими глупости. Такая жизнь не показалась бы ей прожитой зря. Она родила бы и вырастила детей, потом отгуляла бы на их свадьбах, вынянчила внуков и однажды незаметно ушла, позаботившись предварительно о том, чтобы ее похоронили в саду за домом, под душистой липой. Ей надо было непременно знать, что ее праправнуки, играя в прятки или в казаки-разбойники, будут бегать по траве, поросшей на ее могиле. Именно такая жизнь и смерть имела ценность для Эдит, потому что непреложной принадлежностью и того, и другого была семья.

Она очнулась от видений. Кресло, в котором она сидела, утопало в ярких лучах полуденного солнца. В золотом, теплом воздухе она преобразилось: морщины на ее лице разгладились, мышцы ее скрюченного тела расслабились, позволив душе выбраться наружу и обмануться мечтами. Ее мечты казались несбыточными. Ей показалось, что старик станет ее семьей, что молодая женщина из дома напротив, станет ее дочерью и родит ей внука. Этот не родившийся младенец – выверт спасающегося от бездны разума, искаженного болями сознания, плод безумия ее умирающего от рака пациента, все верно, но, все же... Эдит вздохнула и подняла глаза. Старик внимательно наблюдал за ней, в его глазах притаилось лукавство.

- Все это правда? - спросил он с улыбкой.
- К несчастью, да. – Эдит даже не удивилась вопросу.
- Знаете Эдит, однажды Монтгомери Клифт жаловался Грете Гарбо на свою жизнь: «Я настолько одинок, - сказал он, - что в моей посудомоечной машине никогда не бывает больше одной тарелки», а та ответила: «Я так одинока, что покупаю только одноразовые тарелки». Это и про вас, не так ли?
- Я не жалуюсь.
- Эдит, как женщина справляется со своей некрасивостью?
- Зачем вы обижаете меня?
- Разве я могу обидеть вас? Кто-то это сделал до меня. Кто-то уже причинил вам боль.
- Быть некрасивой означает быть обделенной.
- Но если у женщины прекрасная, добрая душа, если она умна, если она богата, наконец...
- Только не говорите ничего про душу. Если ты некрасива, к тебе снисходительны, в лучшем случае, равнодушны. Тобой пренебрегают. Некрасивая девочка растет по-другому, воспринимает мир по-другому. Мир не раскрывается ей навстречу так, как раскрывается навстречу красоте. Ей почти совсем не достается любви. Она часто, иногда всю жизнь, живет в тени или за закрытыми дверьми. В переносном смысле, конечно. Мало-помалу некрасивая женщина перестает высовываться – кому понравится вместо восхищения в очередной раз получить порцию людского снисхождения?
- Виноваты, значит, люди.

- Я из богатой семьи, - продолжала Эдит. - Моей семье принадлежат более тридцати гектаров виноградников в Антр-де-Мер, это на юге-западе Франции, между Гаронной и Дордонью. Мы делаем прекрасные вина и одну уникальную марку коньяка. Если вам интересно, я расскажу. Этот коньяк - изобретение моего отца, его пьют обычно после еды, когда раскуривают сигары. Коньяк под сигары, отсюда и название «Тобассо Слуб». Он немного маслянистый и в его букете присутствует кисловатая нота. Мы продаем этот коньяк во многие страны мира, у нас есть постоянные клиенты: фешенебельные закрытые клубы и дорогие рестораны заказывают его для завсегдаев своих курительных. Мы, конечно, производим этот коньяк только небольшими партиями, поэтому он раскуплен на годы вперед. Наша семья также единственный производитель крепкого и терпкого *желтого вина*. Его пьют, закусывая сыром.

Немного помолчав, Эдит добавила с гордостью:

- Наша семья довольно известна во Франции.
- Но эта семья обходится без вас, - констатировал старик.
- Я сама виновата. Не хватило характера отстоять свои права. У меня два старших брата, которые всегда снисходили до меня, страшно этим унижая меня, но я не виню их. Моя родная мать никогда не любила меня. Стыдилась меня, что ли? Такая страшенькая дочь родилась, такое недоразумение. Она называла меня *meprise* - ошибка. Я никогда не могла понять, как мать, которая выносила и родила ребенка, может называть этого ребенка ошибкой? После смерти моего отца, любившего меня наперекор всем, моя мать и братья решили избавиться от меня.
- Они выгнали вас? - старик еще раз подивился человеческой жестокости.
- Я сама ушла.
- Они вынудили вас? Они угрожали вам?
- Они не так глупы.
- Тогда?
- Мой отец завещал половину семейного дела и дом мне.
- Понимаю, вам не угрожали открыто, - старик быстро и точно начал выстраивать свои предположения, - потому что они боялись, что вы потребуете то, что причитается вам по закону, оставив их с носом. Они не хотели злить вас...
- Но всячески унижали меня, - закончила за него Эдит. - В один прекрасный день моя гордость не выдержала. Я была молода и очень глупа. Я ушла из дому.
- Что же случилось потом?
- Первая мысль, которая пришла мне в голову по ту сторону ограды, была опрометчивой и недостойной. Я хотела наложить на себя руки. Но, поразмыслив как следует, или, просто-напросто, струсив, уж не помню теперь точно, я отвергла ту первую мысль и остановилась на второй. Наказать себя. За что? За то, что меня не любили. Я была нелюба, это, как мне казалось, была моя вина и заслуживала наказания. Видите ли, когда Господь и так тебя уже наказал, не дав ни красоты, ни любви, хочется продолжить его начинание и наказывать себя вечно. Помните, вы сказали про Мишель, вашу жену, «ребенок, у которого все есть, кроме любви»? Она была счастливица. У меня не было ничего, в том числе и любви. Я пошла к монахиням и попросилась в их школу медсестер. После окончания, меня направили в больницу ходить за раковыми больными. Хотя, если уж быть до конца откровенной, я сама выбрала это место. Каждодневные

страдания других уменьшают собственную боль. Среди страданий забываешь даже о собственном уродстве.

- Ай-яй-яй! Хотели наложить на себя руки. С вашей стороны очень эгоистично и очень неразумно, сестра. Я так думаю, что вы до сих пор являетесь наследницей виноградников и поместья? – задав этот вопрос, старик постарался скрыть свою заинтересованность. Он складывал в голове воедино разбросанные части картины, видимой только ему.

- Являюсь, наверное, - неуверенно промямлила Эдит.

- А ваш отец? – Старик посчитал нужным немного отвлечь Эдит от виноградников, поэтому перевел разговор на другое.

- О, мсье, отец любил меня! Он часто повторял: «Ошибка или нет, она моя ошибка». Он многому научил меня, вложив в меня свою душу.

- Чему же он вас научил?

- Стрелять, например.

- Стрелять?! – воскликнул старик.

- Да, я неплохо стреляю. Почему вы так удивлены?

- Удивлен? Да бог с вами, я не могу поверить, что все так удачно складывается! Со скольких шагов вы попадаете в мишень?

- Не просто в мишень, мсье, а в десятку. С тридцати.

- Превосходно! Просто отлично! Но сейчас вы подслеповаты, и сноровка уже не та. Так что шагов пятнадцать будет, а то и меньше. Но и этого вполне достаточно!

- Для чего достаточно? – изумилась Эдит.

Старик на минуту замялся, но потом быстро нашелся:

- А чтобы пристрелить ваших братцев-негодяев.

- Вы сошли с ума, мсье? – Эдит вскочила с кресла, на котором сидела.

- Да нет же, успокойтесь, я пошутил. В одном из ящиков в овальном столике в кабинете лежит пистолет. После моей смерти передайте это оружие властям. Не хочу, чтобы пистолет попал к моим сыновьям, они не знают, как с ним обращаться. Вы должны твердо пообещать, Эдит, что выполните мое поручение. В овальном столике в кабинете, запомнили?

- Разумеется, я сделаю, как вы сказали, мсье. Пистолет – опасная вещь, это – не игрушка.

Старик остался доволен их разговором. Он поднялся и пошел в кабинет. Он готов был держать пари, что через день, максимум, через два дня, жизнь обитателей домов, стоящих друг против друга на одной из парижских улочек, изменится. Сев у стола, он достал ту же книгу, по которой, готовясь к смерти, учил свой урок. Положив книгу перед собой, он подумал, что, вероятно, открывает ее в последний раз. Он снова перечтет отмеченные карандашом страницы о своем любимом слоне Тукутеле, который тоже умирал. «Он состарился, - читал старик, - ему давно перевалило за семьдесят, он одряхлел. Старые раны причиняли ему боль... Из-за стариковской немочи он недоедал. С каждым днем он понемногу слабел, постепенно его рацион стал включать только мягкую пищу, – траву и побеги, которые можно было пережевывать без труда, но ими он не наедался... Его огромная туша была тощей и кожа висела мешками на коленях и вокруг шеи. Тоска, какую он редко испытывал в жизни, снедала его, ее можно было сравнить только с тем чувством, которое он пережил

рядом с умирающей у водополя родительницей. Он не угадывал в этой тоске предчувствие собственной надвигающейся смерти».

Старику стало грустно. Книга не помогла ему, как он надеялся, понять и принять смерть, или, на худой конец, привыкнуть к мысли о смерти, растворив ее, эту мысль в сознании, как мы растворяем сотни других мыслей. Растворяя мысли в себе, мы принимаем их, соглашаемся с ними, они нас больше не беспокоят. Таким образом, мы освобождаемся от них. Старик и его мысли о смерти остались непримиримыми врагами по разные стороны баррикад. Когда старик не думал о женщине, он думал о смерти, и тогда в его душе просыпалась истерика, а его несгибаемый, упрямый, неуправляемый разум восставал против мысли о том, что надо покориться неизбежному.

Захлопнув книгу, он отодвинул ее на край стола. В ту же минуту в его мозгу появились строчки, которые он знал наизусть: «Уже очень давно Тукутела перестал искать стада, в которые сбивались женские особи. Запах течки, принесенный ветром, пробуждал в нем приятные воспоминания, но и только, желание иметь потомство притупилось, и он продолжал свой одинокий путь через поредевший лес». Старик разозлился на своего любимца. «Он быстро сдался», - подумал он. – «Мои-то желания совсем не умерли и не притупились». Наоборот, физическая близость с женщиной превратилась в навязчивое желание, а надежда на исполнение этого желания, давала ему силы жить. Старик простился со своим Тукутелой насовсем.

Его взгляд нашел окно, пересек неширокую улочку и остановился на Осеннем Саде. Жизнь никогда не была так хороша! Никогда она не была такой манящей и обещающей. Все его существо наполнилось любовью и через это ощущение любви, жизнь представлялась старику созревшим, сочным плодом. Что и говорить, он готов им полакомиться. Старик облизнулся. Но не хотел ли он просто использовать ту, которую любил, надкусив как персик, исключительно ради вкуса? Не был ли он отвратительным сладострастником и эгоистом в своем желании скрасить последние месяцы своей жизни за счет молодой женщины – невинной жертвы? Он полюбил. Не самое плохое, что может случиться перед смертью. Но не обольщался ли он, позволяя себе эту любовь? Затевая игру, не ошибался ли он в себе, в своих истинных намерениях? Ведь он собирался манипулировать людьми и их судьбами. Старик снова вспомнил Тукутелу. Предчувствуя смерть, слон направился к большим болотам, что были его убежищем. Там, на болотах, Тукутела дал свой последний бой, прикончив негодяя, уже давно охотившегося за ним. «Неважно, - подумал старик, - животное это или человек, любое божье создание, что дышит и движется, имеет право на свой последний бой». Этот дом стал его последним пристанищем и именно здесь он даст свой последний бой. Старик хотел сотворить любовь и непременно оставить после себя плод этой любви.

Он вспомнил про Эдит. Часть любви, как кусок пирога со сливками, достанется и ей. Две женщины, а если бог будет милостив, то и ребенок, станут его семьей и останутся жить после его смерти. Правда, если он не ошибается. Но он не ошибается. Все произойдет именно так, как он спланировал.

У женщины, насколько он сумел понять, характер был отнюдь не бойцовской, но, точно так же, как он стремился сотворить любовь, она стремилась создать красоту. Ее не интересовали обычные, распространенные

роды деятельности. Если бы она была как все, она бы давно нашла применение своим силам и способностям вне дома. Она же проводила дни в безопасности своего жилища, большей частью на веранде, фанатически ухаживая за садом. И надо отдать ей должное – ее Осенний Сад был великолепен. Хотя, возможно, что-то еще прячется в ее настойчивом одиночестве? Ее незащищенность? Ее страх, например? Но если страх, то перед кем или чем? С точки зрения старика, ее муж был слишком молод для нее. Сейчас он проходил период своего становления, и, учась зарабатывать деньги, учась быть главой семьи и кормильцем, он мало внимания уделял ей. С другой стороны, раз женился, нужно было доказывать ей, своей жене, как, впрочем, и самому себе, что он способен быть добытчиком и кормильцем, что он – настоящий мужчина, а не какой-нибудь неудачник. По этому пути становления он должен был пройти один, без нее, рискуя, принимая удары, в одиночку переваривая неудачи и скрывая разочарования. Может статься, что испытания и экзамены, которые ему приходилось выдерживать, невероятное напряжение процесса возмужания – и все потому, что женился – заставили его невзлюбить свою жену. Она – виновница его страданий. И чем больше он ошибался на пути взросления, тем больше он винил ее...

Скорей всего, она догадывалась об этом, продолжая ухаживать за растениями, переиначивая свою собственную незащищенность и неуверенность в заботу о еще более хрупких созданиях. Только так, оправдывая свое затворничество созиданием красоты, она могла проживать день за днем. Испытывая к женщине любовь, старик осуждал ее пассивный образ жизни, ему было неприятно, что она так зависит от мужа. Она должна была бороться за себя, стоять твердо на ногах, быть независимой, быть... Старик улыбнулся, он знал, что некоторым женщинам это просто не под силу. Такие женщины рождаются, чтобы быть рядом с мужчинами, получая от более сильного пола поддержку и защиту. Опекать и баловать таких женщин для настоящего мужчины всегда радостно и необременительно. Таких женщин и любят больше, потому что их слабость делает любого мужчину сильнее.

«Приди ко мне, - старик стал молиться, слагая слова за крепко сжатыми веками, - у меня есть любовь, которую я хочу отдать тебе. У меня есть опыт, успевший обернувшийся мудростью, а мудрость подскажет мне, как надо любить тебя. Приди, я огражу тебя своей любовью от зла и опасности. В этом покойном убежище ты будешь мечтать. Ты перестанешь бояться. Когда я умру, моя любовь останется с тобой. У тебя будут деньги, много денег. Приходи, не бойся. Только, если решишься, приходи сейчас, не откладывая, потому что время – это единственное, чего у меня нету даже для тебя».

Молитва была послана. Старику больше нечего было сказать. Он надеялся, что его молитва будет услышана. Он прекрасно знал, что все эти месяцы женщина тоже исподтишка наблюдала за ним, именно поэтому вчера она смогла разгадать его шараду с серьгами.

Внезапно гримаса боли исказила лицо старика. В те часы, когда он был отвлечен, когда мозг его был занят воспоминаниями либо чувствами, его организм вырабатывал обезболивающее. Прошло много, слишком много времени, почти два дня без приступов, и теперь его обезболивающее иссякло. Молитва была послана, с Тукутелой покончено навсегда, он остался один на

один со своей любовью и смертью. Один на один с женщиной. Но какая женщина не предавала? Старик устал, боль, как раскаленный нож, врезалась в его тело. Он позвал Эдит.

- В вашем доме есть сад, Эдит? – задыхаясь от боли, спросил он.
- Да, мосье, у нас есть красивый старый сад за домом.
- Вам повезло, сестра. Значит, умирая, мы оба будем смотреть на сад.
- Мне еще надо добраться до моего сада. А ваш сад где?
- Напротив, - Старик взглянул в окно.
- Я должна была догадаться.
- Вы возвратитесь в ваш сад с новой семьей. Поверьте моим словам, Эдит. – Старикуну понадобилось все мужество, чтобы вместо стога, прошептать это обещание.

Боли усилились. Он больше не мог говорить. Его дыхание участилось и глаза наполнились слезами. Эдит пододвинула стул и села рядом. Она дотронулась до его руки. Старик постарался улыбнуться ей. «Она так же беспомощна, как котенок на дереве», – прошептал он строчку из популярной песенки прежде, чем исчезнуть в бессознательной мути непереносимых болей.

Держа его за руку, Эдит думала об ответственности. Если ты решился принести домой котенка, то одновременно с сиюминутным приливом симпатии, ты должен осознать ответственность, потому что с этого момента судьба беззащитного, неговорящего живого существа находится в твоих руках. Ты не имеешь права обмануть котенка, пустив его в свой теплый дом только на время. Такой необдуманный поступок с точки зрения медсестры, которая любила животных, был не только эгоистичным, но и жестоким. Котенок привяжется и начнет дарить тебе свою глупую любовь, ты же не сможешь ответить ему взаимностью, просто потому, что очень скоро умрешь. Так, побалуешься немного, попользуешься его привязанностью, потешишь свой эгоизм, с готовностью принимающий любовь, то ли людскую, то ли кошачью. Но после, что станет с твоим котенком после? Он окажется на улице, ему будет холодно и голодно, что в переводе на человеческие чувства означает непомерную боль. Боль оттого, что тебя предали, пусть даже непреднамеренно. Эдит знала по собственному опыту, что в такие горькие минуты о причине предательства и о мотивах тех, кто предал, особенно не задумываешься. Тебе больно и все. Прав был ее пациент, когда говорил, что человеку близки и понятны, прежде всего, его собственные чувства.

Эдит посидела еще немного, подумала, повздыхала и, в конце концов, согласилась. Согласилась принять заботу о женщине на себя. Пришло ее время. Пока жива, она должна потребовать то, что ей причитается. Она встретится с братьями и потребует вернуть ей часть семейного дела, завещанного отцом. Ей также принадлежит поместье и часть капитала, плюс проценты за все прошлые годы. Она построит большой дом для своей новой семьи и в этом доме она вырастит своего внука, родившегося от той, что станет ее дочерью.

Наступила ночь, на неширокой улочке зажглись фонари. Эдит сидела в темноте, но ее ум продолжал лихорадочно работать. Ее маленькие глазки цепко удерживали картины грез, привидевшиеся ей на выступающих из темноты стенах спальни. Ее малодушие, ее ошибки, страдания и растерянность ее духа – побочные продукты, произведенные на свет предательством ее матери и братьев

– стали рассеиваться, как утренний туман на ясном солнышке. Она увидела цель. Решение, наконец, было принято. От облегчения она чуть не потеряла сознание. Не ведая, что делает, она крепче стиснула ладонь старика. Она никогда не забудет его, его неуспокоенный характер, его непоколебимость, упрямство, его тягу к жизни и приключениям, а также его мужество, нужное для того, чтобы вынырнуть и выпустить в жизнь казалось бы несбыточные мечты. Эдит была так ему благодарна! Поверив в его мечты, она поверила в себя. Слезы ручьями текли по глубоким морщинам на ее лице. Когда первые лучи солнца осветили серое небо, она задремала, думая о женщине. Для нее, именно для нее, Эдит и старик припасли две вещи: любовь и деньги.

* * *

На следующее утро время ползло невыносимо медленно. Старик коротал часы, наблюдая за домом напротив. Женщина срезала все цветы и, сделав из них букеты, расставила их в высоких вазах на веранде. Был ли это ответный подарок ему? Или знак? Сад выглядел упакованным, казалось, он был готов покинуть место своего нынешнего проживания. С другой стороны, старик не хотел видеть предзнаменования в обычных вещах. Его внимание было отвлечено Эдит. В большие целлофановые мешки она упаковывала подушки с кресел, после чего складывала кресла и уносила их с веранды в дом. Что это? Совпадение? Настроение переезда, витающее в воздухе, перемены жизни, или просто, обычная суета, подготовка к зиме?

До полудня еще оставалось время, и старик решил занять свой ум. Он старался припомнить, сколько всякого разного и ненужного хлама удерживала его память. Интересные факты, забавные вещицы, которые слагаются в знание, но знание поверхностное, непрофессиональное, развлекательное, светское. Так, всякий вздор. Он никогда не тешил случайных слушателей этими вещицами, но почему не побаловать себя, если все равно заняться нечем? Начал моросить дождь. Эдит закончила пылесосить чехлы на креслах. Старик подошел к пианино и стал наигрывать мелодию, что-то протяжное и чувственное из португальских народных мелодий. Так же медленно и лениво, он стал вспоминать.

Он знал, например, что сердце человека может сохраняться в физиологическом растворе 12 часов, как и печень, в то время, как мозг умирает через пять минут после остановки циркуляции крови. Он где-то читал, что первые операции на мозге человека были проведены 9000 лет назад.

Старик вспомнил имена тех, кто в 1974 году, впервые создал компьютерную сеть, объявив на весь мир, что любой компьютер, подключенный к сети, может передавать информацию своему собрату, такому же, подключенному к сети, компьютеру. Это были Винт Серф и Роберт Канн. Он также помнил, что всемирная информационная сеть, World Wide Web, была создана в 1990-ом году Тимом Бернсом-Ли.

Пальцы старика мягко и быстро скользили по клавишам. Он нервничал и старался отвлечься, в сотый раз спрашивая себя, имеет ли право действовать так, как задумал. Он чувствовал себя виноватым.

Вернувшись к мелодии, которую наигрывал, он снова стал перебирать и тасовать в своем мозгу забавные вещицы.

Музыкальный инструмент укулеле, на котором играла Мэрилин Монро в фильме «В джазе только девушки», на самом деле был родом из Португалии, а не с Гавай, как принято думать. Первая гильотина была сконструирована Тобиасом Шмидтом, который делал рояли.

Чувствовать себя виноватым? Но с какой стати? Разве он собирался убить кого-то? Совсем нет, он собирался предложить свою любовь, а это не преступление. Любовь и, вдобавок к ней, заботу. Помощь и пропитание на завтрашний день. Он не помнил, кто сказал, что лучше зажечь свечу, чем проклинать темень. Старик собирался зажечь свечу.

Он знал, что Тамерлан, чье имя правильно было произносить Тимур-ай-Ленг, что означает «Тимур Хромой», оставил предупреждение на тот случай, если его могила будет потревожена. Его предупреждение, на самом деле, бывшим проклятием, осуществилось. В тот день, когда советские археологи открыли захоронение Тамерлана, немецкая армия перешла границу Советского Союза и началась Великая Отечественная война. Мороженное было впервые изготовлено во Франции для Марии Медичи и ее двора.

Игра для ума, игра на пианино. Он мог спокойно жить без всей этой чепухи, но без нее, без своей Женщины, он больше не мог прожить ни дня, ни часа, ни секунды. Его любовь разрасталась, светлела и крепла, предчувствуя свое скорое удовлетворение. По мере того, как стрелки на часах приближались к полудню, его нетерпение росло, пальцы его стали дрожать и ошибаться, попадая не на те клавиши. Вина появилась снова, заставив старика сознаться самому себе в том, что его предложение женщине не было совсем уж альтруистическим; он был довольно заинтересованной стороной. Взамен своим предложениям, состоящим из признания в любви и материальной поддержки, он рассчитывал получить блаженство физической близости с ней. Вспоминая ее утонченную, необыкновенную красоту, он прямо-таки сходил с ума и больше уже не мог владеть собой. В этом он был грешен. В приземленном желании близости с ней заключалась его слабость, прореха в его благородных намерениях. Да, святым он не был. Внутренний конфликт, состоящий из его великой любви, с одной стороны, и его желания обладать женщиной, с другой, а, также, чувство вины, порожденное этим желанием, прозвучал в его сознании фальшивым аккордом. Старик содрогнулся от стыда. В комнате никого не было, он стыдился перед собой. Он даже пригнулся почти к самой клавиатуре, как будто прячась от кого-то. Еще немного, и он начнет раскаиваться. Единственным весомым оправданием его плотские желания, как и всей интриги, задуманной им, могла послужить только сила его любви.

Он вспоминал дальше. Первый поцелуй на экране был публично продемонстрирован в трехминутном фильме «Поцелуй», который показали в Чикаго в 1896-ом.

Если бы старик был не один, а в окружении родственников и друзей, и если бы они осмелились высказать свое мнение по поводу его чувства, он бы не преминул наплевать на их мнение. Даже если то, что он делал, было неправильно, для него это было правильно, потому что он вознамерился спасти женщину, которую любил. Господи, от чего он хотел спасти ее? Итак, еще раз: от

того факта, что она несчастлива и, конечно, от бедности. Несчастной ее делало ее неудачное замужество. Впрочем, сама она к его помощи не взывала. Он решил все за нее. И, все же, еще было время отказаться, отречься, все остановить. Не ожидая того, старик вдруг испытал необходимость в непредвзятом собеседнике. От него, пожалуй, он выслушал бы совет. Этот некто должен был быть умен, объективен и силен в своих суждениях. Кроме того, он должен был быть человеком абсолютно незнакомым. Возможно, такой не вовлеченный человек мог бы отговорить его. Но никого вокруг не было, и хорошо, что не было. Старик привык полагаться на силу только своего разума.

Он вдруг осознал, что уже давно не наслаждался одиночеством – с тех пор, как доверился Эдит и стал разговаривать с ней, включив ее в свои планы. Теперь, уж совсем скоро, появится в его доме третий персонаж – молодая и красивая женщина. Да и смерть-подружка постоянно караулила где-то за его левым плечом. Пока он размышлял об утрате одиночества, стараясь понять, сожалеет ли об этом, Эдит замаячила у него перед носом. Она выглядела торжественно. Старик перестал играть и посмотрел на часы: до полудня оставалось всего несколько минут.

- Я согласна, - заявила Эдит.

- Да? – на этот раз старик не был уверен, на что именно соглашалась Эдит.

- Да. Я согласна заботиться о женщине и опекать младенца.

Часы пробили двенадцать пополудни и старик услышал шум на улице.

- Если только она останется живой, - бросил он Эдит и рванулся к окну.

Эдит поспешила за ним.

Двое служащих в униформе, те же, что раньше совершили кражу бриллиантовых серег в доме напротив, тащили упирающуюся женщину по дорожке, ведущей от дома, к припаркованному фургону. Она кричала, звала на помощь, но никто не откликнулся. Похитители крепко держали ее, не обращая на ее крики никакого внимания. К удивлению наблюдавшего этого сцену старика, женщина продолжала сопротивляться, выказывая тот бойцовский характер, в котором он ей ранее отказал. Она извивалась всем телом, безжалостно пинала своих обидчиков ногами, пыталась укунить их за руки. Наконец, ей удалось вцепиться зубами в ладонь одного из них. Он громко вскрикнул от боли, зло выругавшись при этом. Старик, наблюдая у окна вместе с Эдит, казалось, забавлялся происходящим и с трудом сдерживал смех. Ему пришлось отвернуться, чтобы Эдит ничего не заподозрила. Не выдержав, он с такой силой повалился в кресло, что мочки его ушей подпрыгнули. Пришлось притвориться, что внезапно ему стало плохо, и он гримасничает от боли, а не от смеха. Эдит, чье лицо еще больше обезобразил ужас, осталась наедине с преступлением. Она не знала, что делать.

- Узнаю лица профессиональных убийц! – Этой театральной фразой старик решил вывести медсестру из транса. Его горло сдавливали спазмы смеха и, поэтому голос его немного дрожал. – Бегите, сестра, в кабинет! Помните, там пистолет в овальном столике у стены? На этот раз мы должны помочь ей!

Эдит не нужно было просить дважды. Моментально оценив ситуацию, она метнулась в кабинет и так рванула нужный ящик, что он с грохотом вылетел из столика. Непослушными пальцами она схватила пистолет с паркетного пола и

выбежала на веранду. Старик подивился той прыти, на которую было способно ее скрюченное, почти детское тельце.

Двое в униформе уже толкали женщину в фургон. Эдит бегала взад и вперед по веранде, стараясь лучше прицелиться. Да, она решила стрелять! Наконец, ей удалось взять на мушку одного из них, но он был слишком близко к женщине, их тела постоянно соприкасались, извиваясь в потасовке. Эдит опустила оружие. Ее ноги обмякли. Для нее все происходящее было настоящим фильмом ужасов. На красивом лице молодой узницы был написан неподдельный страх. Ее лицо, в котором не было ни кровинки, заставило Эдит очень отчетливо осознать следующее: эти двое, бог знает, откуда взявшиеся насильники, готовы расправиться не только с женщиной, но и с ее собственной мечтой, которую она успела выстрадать, удочерить и полюбить.

Дождь пошел с новой силой. Тяжелые, холодные капли, оросив глубокие морщины на лице Эдит, привели ее в чувство. Ярость горячей струей выплеснулась ей в кровь, пробудив в ней решимость отстоять свою мечту. И все же, она не могла просто так, хладнокровно пристрелить похитителей. Она не могла совершить убийство даже ради своей мечты – люди все-таки, хоть и преступники. Не она их рожала, не ей и самосуд над их жизнями чинить. Наконец, собрав все свое мужество, она выстрелила в воздух, чуть не задев голову того несчастливца, что ранее пострадал от укуса женщины.

Старик, оставаясь тем временем в кресле, присушивался к происходящему на веранде. Он уже давно перестал смеяться и теперь сидел неподвижно, как статуя, стараясь подавить страх, тонкой змейкой вползавший в его сердце. Когда прогрохотал выстрел, его внутренности подпрыгнули и перевернулись. Догадалась ли Эдит сделать все именно так, как он замышлял, или...? Он очень хотел надеяться, что она выстрелила в воздух. На этой стадии интриги старик чертовски рисковал, так как пистолет был заряжен боевыми пулями.

Выстрелив, Эдит увидела, что мужчина в униформе, над головой которого пронеслась пуля, упал на землю, но потом быстро поднялся на ноги и ринулся к фургону. Его напарник уже сидел за рулем. ПО всему было видно, что похитители на стрельбу не рассчитывали. Силы окончательно покинули Эдит. Прислонившись к стене, вся дрожа, она выронила пистолет на мозаичный пол веранды. Пока она стояла так, касаясь спиной холодной стены, в ее сознание, помимо ее воли, стали проникать невероятные мысли, сами собой складываясь в такую же невероятную догадку.

Но, вернемся к женщине. Воспользовавшись переполохом, произведенным выстрелом, она вырвалась из рук второго похитителя, который уж и не держал ее вовсе, и понеслась через дорогу к двери дома, с веранды которого только что прозвучал выстрел. Она стремглав бежала туда, где жил и ждал свою любимую старик.

Эдит слышала звонок и щелчок открываемой двери. Она стояла под дождем, не шелохнувшись. То, что складывалось в ее мозгу в течение нескольких минут из отрывочных мыслей, теперь представилось ее внутреннему взору ясно, едино, и очень ярко, как озарение. Похитители не были заправдашними похитителями, они были наняты стариком. Они не были, также, грабителями, все было подстроено. Покопайся она во всех потайных уголках и ящиках, она наверняка нашла бы те, украденные у женщины, бриллиантовые серьги. Старик

тогда, после так называемой кражи, попросил ее сходить в ювелирный магазин и купить новую пару серег. Он просто подменил одну пару другой. И муж женщины, вероятно, не был замешан ни в какой истории с наркотиками, Старик выдумал весь этот бред, чтобы нагнать на нее страху. Вся эта болтовня про наркотики была лишь поводом поведать ей про свою жизнь. И то, что она умела стрелять, пришлось как нельзя кстати, потому что это театрализованное похищение было задумано заранее. Господи, она же могла пристрелить одного из них! А само похищение! Уж очень долго они тащили женщину к фургону. Ну, а как же иначе, ведь ей нужно было время сбегать в кабинет за пистолетом. Старик все заранее рассчитал. То, что произошло несколько минут тому назад, было планом А. Если бы Эдит, не подозревая о той роли, что была ей уготована, не разыграла бы, как по нотам, этот план, старик перешел бы к следующему плану, тоже для него выигрышному. План Б предусматривал настоящее похищение и такое же настоящее спасение. «Суперменом» был бы, конечно, ее пациент. Эдит с отвращением поняла, что ее использовали.

Все выстроилось в логическую цепь в мозгу Эдит только сейчас, потому что раньше не было причины подозревать, задумываться и размышлять. Она слепо верила. Притворство, одно притворство! А где этот главный притворщик, который срежиссировал фарс только потому, что не хотел умирать? Похотливый старый обманщик, без стыда и совести манипулирующий ее доверием! Такой ни перед чем не остановится! Эдит нагнулась и подняла пистолет с пола. Она с горечью подумала, что старик слишком подло с ней обошелся, тем более, что прекрасно знал – однажды она уже пережила предательство, искалечившее ей жизнь.

До Эдит долетели звуки торопливых шагов: женщина взбегала по лестнице наверх, в гостиную. С пистолетом в руке, Эдит вернулась в комнату, оставив дверь на веранду распахнутой настежь. Она потребует от этого старого, гнусного обманщика и фантазера объяснить ей, как он осмелился так поступить, разрушив ее мечту? Выспренный эгоист, видевший только себя, свою омерзительную похоть! Люди для него ничего не значили, он готов причинить им любую боль, только чтобы достичь своей цели. Но он явно недооценил ее, посчитав слишком наивной. Грязный манипулятор, пустой забавник, выставивший их всех на посмешище!

Стоя посреди комнаты, Эдит, из-за обидной злости, слез и капель дождя, стекавших с ее волос на глаза, поначалу ничего не видела, но, мало-помалу гостиная стала принимать знакомые очертания. Сначала в фокус попал старик, развалившийся в кресле. Мочки его ушей покоились чуть ли не на его плечах, и выглядел он бесконечно счастливым. Сомнения его больше не грызли, все случилось именно так, как он рассчитывал. Он вышел победителем и пребывал в наилучшем расположении духа. Его взгляд был приклеен к женщине, стоявшей посреди комнаты. Она сильно дрожала, испуг и промокшее платье могли быть тому причиной, при этом одной рукой она старалась поправить прилипшие к лицу волосы цвета карамели. Выглядела женщина не ахти как. В ней не осталось и следа от той рыжеволосой причудницы, обещавшей дарить любовные утехы в шатре из роскошных соцветий своего осеннего сада. Она, скорее, напоминала сироту, которой незамедлительно нужны были любовь, кров и покровительство.

Повернувшись к Эдит, она, стараясь побороть сильную дрожь, прошептала: «Спасибо».

Эдит опустилась на стул и положила пистолет на колени. Не спеша, она выпрямилась и посмотрела старику прямо в глаза. В них, точно занавес в конце представления, повисла мольба о прощении. Он молил ее не предавать его и их общую мечту. Сейчас, когда все уже позади – и ужасно сложный заговор, и все неопределенности, и страхи, и тревоги – не стоит держать обиду. Он знал, вернее даже рассчитывал на то, что рано или поздно она догадается. В то же время, он верил в нее и в то, что, догадавшись, она останется верна их мечте. Он не мог посвятить ее в свой план раньше по одной простой причине: из-за боязни, что она откажется, а если, наперекор всему, она все-таки согласилась бы, ее игра не была бы столь естественна, а реакции – непосредственны. Эдит вынуждена была исполнять свою роль вслепую и добилась успеха. Они оба добились грандиозного успеха, он как постановщик, она как одаренный исполнитель. Цель достигнута и оба вознаграждены – женщина перешла дорогу и теперь здесь, в их гостиной, промокая и испуганная. Дверца захлопнулась и птичка оказалась в клетке. Все это Эдит сумела прочесть в умоляющем взгляде старика, и это молчаливое послание, что буквально изливалось из больших, темных, сияющих глаз ее пациента, ее полностью устроило.

Какое-то время Эдит и старик удерживали друг друга долгим, полным смысла и взаимопонимания, цепким взглядом. Момент снова объединил их, но этого момента не было бы, если бы не старик и не его упрямство. И если бы не Эдит, поверившая в мечту. Повыбирав немного между обидой на то, что ее использовали и возможностью, пусть, до сих пор, еще довольно неопределенной, обрести семью, Эдит выбрала второе. Глупую старуху околдовали сила ума и духа ее умирающего пациента, и постепенно ее злость растворилась. Губы ее раздвинулись – своей улыбкой она скрепила и одобрила их союз. Старик был прав: щепетильность при данных обстоятельствах барышей не соберет.

Итак, нерушимость союза старика и Эдит была восстановлена. Прервав свой молчаливый диалог, они, не сговариваясь, перевели и остановили полный любви взгляд на женщине. Казалось, она немного успокоилась, но ее красивое лицо, было по-прежнему испуганным. Испуг, правда, был уже иного рода – он смешивался с любопытством. Она была явно озадачена и пыталась угадать, что можно было ожидать от этих двоих – старика, глядевшего на нее с обожанием, в котором явно сквозила похоть, и старухи, которая, хоть и смотрела на нее с любовью, все еще сжимала в ладони пистолет?

Конец.

